Дитрих Бонхёффер

ПСАЛТИРЬ
– БИБЛЕЙСКИЙ МОЛИТВЕННИК

О ДУШЕПОПЕЧЕНИИ

Дитрих Бонхёффер

Псалтирь – библейский молитвенник

О душепопечении

Dietrich Bonhoeffer

DIE PSALMEN

Das Gebetbuch der Bibel

SEELSORGE

MBK-Verlag, Bad Salzuflen, 2001

Chr. Keiser Gütersloher Verlagshaus GmbH,
1996

Дитрих Бонхёффер

ПСАЛТИРЬ – библейский молитвенник

О ДУШЕПОПЕЧЕНИИ

Москва
2006

УДК 27-46
ББК 86.376
Б 81

Перевод выполнен с изданий

Dietrich Bonhoeffer,
Die Psalmen. Das Gebetbuch der Bibel,
MBK-Verlag, Bad Salzuflen, 2001

Dietrich Bonhoeffer, *Seelsorge* // Dietrich Bonhoeffer,
Werke, Band 14: *Illegale Theologenausbildung:
Finkenvalde 1935 – 1937.*

Дитрих Бонхёффер
Б 81 Псалтирь – библейский молитвенник / Пер. с нем.: А. Лейцина. О душепопечении: нелегальные лекции в Финкенвальде (1935 – 1937) / Пер. с нем.: Р. Штубеницкая. – М.: Центр «Нарния», 2006. – 192 с.

ISBN 5-901975-29-6

«Псалтирь» Дитриха Бонхёффера – это вызов индивидуалистическому, разделенному сознанию современного человека. Она помогает понять, как библейские псалмы могут стать личными молитвами каждого из нас. В своих лекциях о душепопечении, основываясь на собственном пастырском опыте, Бонхёффер затрагивает такие больные темы, как беседа с равнодушными, душепопечение о больных и умирающих и даже душепопечение о душепопечителях.

ISBN 5-901975-29-6

Содержание

❖

Предисловие к русскому изданию

В 2006 году христианский мир отметил 100-летие со дня рождения Дитриха Бонхёффера – выдающегося немецкого богослова, пастора, проповедника, чье слово и вера оплачены мученической смертью. В гитлеровской Германии Бонхёффер был одним из основателей Исповедующей церкви, в отличие от официальной, не поддержавшей нацистскую идеологию. В годы войны он мог спокойно и безбедно жить в США, преподавать в университетах, писать научные труды, тем не менее, он вернулся на родину и, наверняка зная, что его ждет гибель, присоединился к Сопротивлению. Он был арестован в 1943 г. и через два года, 9 апреля 1945 г. – всего за месяц до победы – казнен в концлагере Флоссенбург.

К сожалению, один из самых интересных и глубоких христианских мыслителей и богосло-

вов XX века почти незнаком российскому читателю – изданы только три его книги*.

В нашем сборнике впервые на русском языке выходят две книги Бонхёффера, любезно предоставленные немецкими издательствами MBK-Verlag и Chr. Keiser Gütersloher Verlaghaus. Они лаконичны, невелики по объему и необыкновенно емкие по смыслу и кругу поднятых проблем.

«Псалтирь – библейский молитвенник» написана в 1939 г., но не утратила актуальности и по сей день. Эта книга – пламенный вызов индивидуалистичному, разделенному сознанию современного человека. Она помогает понять, как во Христе библейские псалмы становятся личными молитвами – плачем и благодарением нашего сердца.

Вторая книга – «О душепопечении» – записи лекций Бонхёффера, сделанные студентами в 1937 г., когда он был вынужден нелегально проповедовать и преподавать в семинарии в Финкенвальде (Померания). Несмотря на конспективность изложения, в книге отпечаталась живая бонхёфферовская мысль, удивительно проникновенная, ясная и смелая.

* Бонхёффер, Д. Хождение вслед. – М.: РГГУ, 2002. Следуя Христу. - М.: «Бук Чембэр Интернэшнл», 1992. Сопротивление и покорность. – М.: Прогресс, 1994.

В книге говорится о болезненных и скрытых сторонах нашей церковности: равнодушии, нераскаянности, ожесточенности, требующих врачевания и исцеления. В ней показана таинственная суть душепопечения – в трудных отношениях священника, пастора с равнодушными, больными, умирающими и теми, кто печется о душах.

Надеемся, что наша книга будет интересна не только служителям, но и каждому вдумчивому читателю, способному увидеть в ней обращение к самому себе.

Дональд Марсден,
президент Центра «Нарния», 2006

Псалтирь —

библейский молитвенник

Предисловие к немецкому изданию

Это уже четырнадцатое издание книги Дитриха Бонхёффера «Псалтирь – библейский молитвенник». С ней связаны различные воспоминания, но особенно памятен поиск иллюстрации с изображением Давида, играющего на арфе, на использовании которой в этой книге настаивал сам Бонхёффер.

К сожалению, у нас нет не только рукописного первоисточника, но и писем, имеющих отношение к появлению этого томика на свет. Бонхёффер долгое время особое внимание уделял псалмам: не только практике их чтения в богослужениях Финкенвальдской семинарии и ее дочерних учреждений в викариатах Восточной Померании (Кезлин, Гросс-Шленвитц и Зигуртсдорф), но и богословско-интерпретационному значению. Уже летом 1935 г. он читал нам лекцию о Христе в псалмах. Потом появились работы о царе Давиде и постройке стены, в которых автор не придерживался привычного для нас

историко-критического толкования, и относился к библейскому канону серьезнее, чем к истории возникновения конкретных произведений. Эти работы получили известность. В 1939 г. к Бонхёфферу обратилось издательство MBK-Verlag, с просьбой заняться псалмами в издававшейся тогда серии «Вхождение в Писание», и Бонхёффер с удовольствием взялся за работу. Этот труд стал последним произведением, вышедшим при его жизни, до того как в 1941 г. ему запретили публиковаться.

Очень важно, что в новом издании опять появляется иллюстрация Давида. Дело не только

в том, что автору нравилось пластическое решение этой вормской скульптуры, изображающей Давида во время исполнения псалмов. Для христиан, молитвенно читающих Псалтирь, важно вернуть ту роль Давида, которую он утратил в силу историко-критического метода. Автора интересовала не история создания древней поэзии, а непрерывность опыта спасения детей Божьих, молящихся псалмами, и их связь с Давидом, одним из праотцев Христа и тем, что было ему возвещено.

Эберхард Бетге

אַשְׁרֵי הָאִישׁ אֲשֶׁר לֹא הָלַךְ בַּעֲצַת רְשָׁעִים׃

ПСАЛОМ 1

Блажен муж,
который не ходит на совет нечестивых
и не стоит на пути грешных
и не сидит в собрании развратителей,
но в законе Господа воля его,
и о законе Его размышляет он день и ночь!
И будет он как дерево,
посаженное при потоках вод,
которое приносит плод свой во время свое,
и лист которого не вянет;
и во всем, что он ни делает, успеет.
Не так - нечестивые;
но они - как прах, возметаемый ветром.
Потому не устоят нечестивые на суде,
и грешники - в собрании праведных.
Ибо знает Господь путь праведных,
а путь нечестивых погибнет.

«Господи, научи нас молиться!»

Так говорили Иисусу ученики*, тем самым признаваясь в своем неумении молиться. Им необходимо было учиться этому. Учиться молитве для нас – противоречивое утверждение. Мы полагаем, что сердце само начинает изливаться в молитве от избытка чувств, научить же его молиться нельзя. Однако это опасная ошибка – правда, широко распространенная среди современных христиан – считать, что сердце способно молиться по своей природе. Мы склонны принимать за молитву мечтания, надежды, вздохи, жалобы и восторги – все, что рождается в нашем сердце само по себе. Однако это – смешение земли и неба, человека и Бога. «Молиться» означает не просто изливать то, что на сердце, это значит переполненным или же пустым сердцем искать путь к Богу и говорить с Ним. На это не способен ни один человек, для этого ему необходим Иисус Христос.

Ученики хотят молиться, но не знают как. Какая тяжкая мука – стремиться к общению с Богом, но оказаться немым в присутствии Божьем, ощущать, что всякий зов теряется в собственном Я, что сердце и уста говорят искажен-

* См. Лк 11:1.

ным языком, который Бог не желает слушать. В такой момент мы ищем людей, способных нам помочь, сильных в молитве. Вот если бы кто-нибудь, кто умеет молиться, взял нас в свою молитву, дал бы нам молиться ею вместе с ним, – это бы помогло! Безусловно, опытные христиане могут помочь, но лишь через Того, Кто Сам помогает им и на Кого они укажут, если воистину являются учителями молитвы, – через Иисуса Христа. Если Он берет нас в Свою молитву, дает молиться вместе с Ним, возводит к Богу Своим собственным путем и учит молиться, тогда мы избавлены от мук богооставленности. Этого и желает Христос. Он хочет молиться с нами, и когда мы присоединяемся к Его молитве, то обретаем радостную уверенность в том, что Бог слышит нас. Если наша воля и все сердце наше входят в молитву Христову, тогда мы истинно молимся. Только в Иисусе Христе мы можем молиться, в Нем и услышаны будем.

Итак, мы должны учиться молитве. Ребенок учится говорить, потому что с ним говорит отец. Так и мы учимся говорить с Богом, потому что Бог говорил и продолжает говорить с нами. На языке Отца Небесного Его дети учатся говорить с Ним. Повторяя Божьи слова, мы начинаем молиться Ему. Не на искаженном и невразумительном языке нашего сердца, а на чистом и

ясном языке, на котором Бог во Христе говорил с нами, нам следует обращаться к Богу. На нем желает Он слышать нас.

Слово Божье во Христе встречает нас в Священном Писании. Если мы хотим молиться уверенно и радостно, то Священное Писание должно стать твердым фундаментом нашей молитвы. Мы можем быть уверены, что Иисус Христос, Слово Божье, учит нас молиться. Слова, исходящие от Бога, станут ступенями, по которым мы поднимемся к Нему.

Учиться молиться во имя Иисуса

Итак, в Священном Писании есть книга, тем и отличающаяся от других книг Библии, что содержит только молитвы – Псалтирь. На первый взгляд это удивительный факт, что в Библию включен молитвенник. Ведь Священное Писание – это Слово Божье, обращенное к нам, а молитвы – слово человеческое. Как же они попали в Библию? Мы не должны позволить сбить себя с толку: Библия – Слово Божье и Псалтирь в том числе. Неужели молитвы к Богу – тоже Слово Божье? Это нелегко осмыслить. Мы поймем это не раньше, чем осознаем, что истинной молитве мы можем научиться только от Иисуса Хрис-

та, что речь, таким образом, идет о слове Сына Божьего, живущего среди людей, к Богу Отцу, живущему в вечности. Иисус Христос принес Отцу все нужды, радости, благодарения и надежды людей. В Его устах слово человеческое становится Божьим, а если мы присоединяемся к Его молитве, то Слово Божье, в свою очередь, становится человеческим. Таким образом, все молитвы Библии мы можем произносить вместе с Иисусом: Он дает нам участие в них и приводит пред лицо Божье. В противном случае это не истинные молитвы, ибо только через Иисуса и в Иисусе мы и можем истинно молиться.

Когда мы молитвенно читаем библейские молитвы, особенно псалмы, следует первым делом задумываться, как эти тексты связаны с Иисусом Христом, а не с нами. Мы должны стремиться понять псалмы в качестве Слова Божьего, и только тогда мы сможем включиться в их молитву. Таким образом, дело не в том, выражает ли псалом чувства и чаяния, которыми в данный момент наполнено наше сердце. Возможно, нам необходимо молиться именно вопреки собственному сердцу, чтобы прийти к истинной молитве. Важно не то, о чем мы хотим сейчас молиться, а то, какую молитву хочет услышать от нас Бог. Будь мы предоставлены самим себе, от «Отче наш» скорее всего оставалось бы толь-

ко четвертое прошение. Но Бог хочет иного. Не скудость наших сердец, а богатство Слова Божьего должно определять нашу молитву.

Сам факт включения молитвенника в Библию свидетельствует о том, что Слово Божье – это не только Его слово, обращенное к нам, но и слово, которое Он хочет услышать от нас, потому что это слово Его возлюбленного Сына. Это великая благодать, что Бог Сам объясняет, как нам говорить с Ним и быть в общении. Мы обретаем эту привилегию, молясь во имя Иисуса Христа. Для того и даны псалмы, чтобы мы научились молитвенно читать их во имя Христово.

По просьбе учеников Иисус дал им «Отче наш»*. Всякая истинная молитва вмещается в прошения «Отче наш», а то, что не находит в ней места – не молитва вообще. Все молитвы Священного Писания заключены в ее безмерной шири: они становятся ее бесконечным богатством, а она – их венцом и единением. О Псалтири Лютер сказал: «Она так связана с «Отче наш», а «Отче наш» с нею, что можно очень тонко понимать одно через другое и превосходно согласовывать одно с другим».

Лк 11:1 – 4.
Мф 6:9 – 13.

«Отче наш» – образец, помогающий определить, молимся ли мы во имя Иисуса Христа или же во имя себя самих. Не случайно Псалтирь так часто издается в одном томе с Новым Заветом. Эта книга – молитва общины Христовой и самым тесным образом связана с «Отче наш».

Молящиеся псалмами

Из ста пятидесяти псалмов семьдесят три приписывают царю Давиду, двенадцать – служившему ему начальнику хора Асафу, двенадцать – служившей при Давиде левитской семье сынов Кореевых, два – царю Соломону, по одному – предположительно служившим при дворе Давида и Соломона музыкальным мастерам Ефаму и Еману. Естественно, что имя Давида особым образом связано с Псалтирью.

После тайного помазания на царство Давид был призван играть на гуслях к отвергнутому Богом царю Саулу, мучимому злым духом. «И когда дух от Бога бывал на Сауле, то Давид, взяв гусли, играл, – и отраднее и лучше становилось Саулу, и дух злой отступал от него» (1 Цар 16:23).

Видимо, так Давид и начал писать псалмы. В силе Духа Божьего, сошедшего на него при помазании, он изгоняет злого духа пением. Став

призванным мессианским царем, от которого должен произойти обещанный Царь Иисус Христос, Давид молился песнопениями, позже вошедшими в библейский канон.

По свидетельству Библии, Давид, как помазанный царь народа Божьего, указывает на Иисуса Христа. Все, происходящее с ним, случается ради Того, Кто в нем пребывает и из него должен произойти – Христа Иисуса. И Давид знал об этом: «будучи пророком и зная, что Бог с клятвою обещал ему от плода чресл его воздвигнуть Христа во плоти и посадить на престоле его, Он прежде сказал о воскресении Христа» (Деян 2:30 – 31).

Давид был свидетелем Христовым в своем царствовании, в жизни и слове. Новый Завет утверждает больше: в псалмах Давида говорит сам Христос (Евр 2:12, 10:5) или, как тоже можно понять, Дух Святой (Евр 3:7). Слова, произносимые Давидом, говорил в нем будущий Мессия. Христос присоединялся к молитвам Давида, более того, сам Христос молился ими в предшественнике Своем Давиде.

Это краткое замечание Нового Завета высвечивает важную сторону всей Псалтири, связывая Давида со Христом. Как это выражается в конкретных случаях, нам еще предстоит выяснить. Для нас же важно, что Давид молился не

от полноты собственного сердца, но оттого, что в нем жил Христос. Молящийся его псалмами – это он сам, но в то же время, с ним и в нем, – Христос. Последние слова старого Давида выражают это таинственным образом: «Вот последние слова Давида, изречение Давида, сына Иессеева, изречение мужа, поставленного высоко, помазанника Бога Иаковлева и сладкого певца Израилева: Дух Господень говорит во мне, и слово Его на языке у меня» – далее следует последнее пророчество о грядущем праведном Царе, Христе Иисусе (2 Цар 23:2 и далее).

Так мы вновь возвращаемся к тому, что уже выяснили ранее. Не все псалмы написаны Давидом, и ни одно слово Нового Завета не вкладывает в уста Иисуса всю Псалтирь целиком. Тем не менее, указанные выше замечания имеют важное значение для понимания роли Псалтири, которая существенно связана с именем Давида. Добавим, что о псалмах, как едином целом, Иисус говорит, что они предсказывали Его смерть, воскресение из мертвых и проповедь Евангелия (Лк 24:44 и далее).

Как же возможно, что псалмами одновременно молятся и человек, и Иисус Христос? Сын Божий, вочеловечившийся и понесший всю немощь людскую в собственном теле Своем, открывает перед Богом сердце всего человечества, предстоит

за нас и о нас молится. Он глубже, чем мы, познал муку и боль, вину и смерть. Поэтому молитва, предстающая здесь перед Богом, есть молитва воспринятой Им человеческой природы, это воистину наша молитва. Но, поскольку Он знает нас лучше, чем мы сами, став ради нас человеком, это в то же время и Его молитва, и нашей она может стать лишь потому, что исходит от Него.

Кто же молится псалмами? Это и Давид (Соломон, Асаф и т.д.), и Христос, и мы. Мы – это прежде всего община, в которой только и возможна молитва псалмов во всем ее изобилии. Но это и каждый из нас, в той мере, в какой он имеет часть во Христе и Его общине и присоединяется к их молитве. Давид, Христос, община, я сам – когда мы осознаем все это, то распознаем тот удивительный путь, каким Бог учит нас молиться.

Имена, музыка, стихотворная форма

Еврейское название Псалтири означает «Гимны». В Пс 71:20 все предыдущие псалмы именуются «молитвами Давида». Оба эти фактора одновременно и удивительны, и понятны. На первый взгляд Псалтирь содержит не только гимны и молитвы. Однако и учительные стихи, и скорбные песни являются в основе своей гимнами,

так как служат прославлению величия Божьего. Даже те псалмы, в тексте которых нет прямого обращения к Богу (например, Пс 1, Пс 2 или Пс 77), могут быть названы молитвами, потому что служат погружению в мысли и волю Божью. Слово «Псалтирь» первоначально означало музыкальный инструмент и впервые было использовано в переносном смысле в Библии, как собрание молитв, возносимых к Богу в виде песен.

Дошедшие до нас псалмы в основном исполнялись под музыку при богослужении. Голоса певцов и инструментов звучали вместе. Именно Давид считается родоначальником литургической музыки. Подобно тому, как его арфа некогда изгоняла злого духа, так и сакральная, богослужебная музыка обладает действенной силой, и для ее определения употребляется то же слово, что и для пророческой вести (3 Цар 25:2). Многие непонятные заголовки псалмов на самом деле являются музыкальными пояснениями. Это относится и к часто встречающемуся в середине псалмов слову «Села»: видимо, так обозначали начало проигрыша без слов. «*Села* показывает, что должно хранить молчание и усердно обдумывать слова псалма, ибо они требуют спокойной и недвижной души, которая могла бы понять и вместить, что показывает и внушает ей Дух Святой» (Лютер).

Видимо, обычно псалмы исполняли два хора, к этому их стихотворная форма приспособлена наилучшим образом. Пары стихов соединены друг с другом так, что различными словами высказывается одна и та же мысль. Это так называемый параллелизм членов. Он не случаен, поскольку призывает к совместной молитве и побуждает не прерывать ее.

То, что нам, привыкшим молиться второпях, кажется ненужным повторением, на самом деле выражает истинное погружение в молитву и сосредоточение на ней, и в то же время служит знаком того, что все верующие разными словами молятся о том же. Так стихотворная форма особым образом призывает к совместной молитве псалмами.

Богослужение и псалмы

Во многих церквях псалмы читают и поют каждое воскресенье или каждый день. Такие церкви сохранили неизмеримое богатство, поскольку только при постоянном молитвословии можно органически войти в этот божественный молитвенник. Если пользоваться им время от времени, то его молитвы оказываются столь насыщены мыслью и силой, что мы вынуждены то и дело избирать более щадящую пищу. Тот же,

кто начал молиться псалмами регулярно и всерьез, «скоро даст отдых» иным, более простым и личным «благочестивым молитовкам, и скажет: нет в них того сока, силы, огня и пожара, какие я нахожу в Псалтири, слишком холодны и сухи они для меня» (Лютер).

Если не молятся по Псалтири в церквях, мы должны вводить псалмы в свои ежедневные утренние и вечерние молитвы, каждый день прочитывая вместе несколько псалмов и молясь ими, чтобы несколько раз в году перечитывать эту книгу, все глубже проникая в нее. Нельзя выбирать отдельные псалмы по своему вкусу, этим мы бесчестим библейский молитвенник и ведем себя так, будто мы лучше Самого Бога знаем, о чем нам следует молиться. Для раннехристианской Церкви было обычным знать «всего Давида» наизусть. В одной из восточных Церквей без этого нельзя было получить право на служение*. Отец Церкви Иероним писал, что в его время пение псалмов можно было услышать в полях и огородах**. Псалтирь наполняла жизнь молодой хрис-

* Ср. 2-е правило VII Вселенского Собора: «Кто посвящается в епископы, тот должен в совершенстве знать Псалтирь, так чтобы и весь клир учил вразумляться от нее».

** См., например, Иероним «Письмо к Марцелле»: «Земледелец, идя за плугом, поет «Аллилуйя»; покрытый потом жнец развлекается псалмами, и виноградарь, срезая кривым ножом виноградные ветви, поет что-нибудь из Давида.

тианской общины. Но важнее всего, что Иисус умер на кресте со словами псалма на устах*.

Пренебрегая Псалтирью, христианская община теряет неоценимое сокровище, обретая же ее вновь – исполняется силой.

Классификация

Темы, о которых идет речь в псалмах, можно подразделить следующим образом: творение, закон, история спасения, Мессия, Церковь, жизнь, страдание, вина, враги, конец. Нетрудно соотнести эти элементы с текстом «Отче наш» и показать таким образом, как Псалтирь полностью входит в жизнь Иисуса. Однако, чтобы не предвосхищать результата наших наблюдений, лучше остановиться на той классификации, которая исходит из самих псалмов.

Творение

Писание возвещает Бога как Творца неба и земли. Многие псалмы призывают нас воздать Ему

Это – любимые песни народа. Псалом – восклицания пастухов, псалом – припевы земледельца».

«Отче! В руки Твои предаю дух Мой» Лк 23:46, ср. Пс 30:6 «Боже мой, Боже мой! Для чего Ты Меня оставил» Мф 27:46, ср. Пс 21:2.

честь, хвалу и славословие. Тем не менее, нет ни одного псалма, в котором говорилось бы только о творении. Всегда речь идет о Боге, уже открывшем Себя Своему народу в Слове, и Которого нужно познать как Творца Вселенной.

Мы можем веровать в Бога как Творца, потому что Он уже говорил с нами, и Имя Божье было открыто нам. Иным образом мы не можем познать Его. Творение – образ силы и верности Божьей, которые Он явил нам в откровении Своем во Христе Иисусе. Мы поклоняемся Творцу, открывшему Себя как Искупителя.

Восьмой псалом прославляет Имя Божье и Его благие деяния для человека, являющегося венцом Его трудов. Это невозможно понять только смотря на творение. Восемнадцатый псалом говорит о величии бега небесных тел, упоминая тут же, в спонтанном порыве, о куда большем величии откровения закона Божьего и призывая к покаянию. Двадцать восьмой псалом призывает нас восхититься устрашающей силой Божьей в грозе и все-таки цель этой силы в благословении и мире, которые Бог дарует народу Своему. Сто третий псалом созерцает множество дел Господних, и в то же время показывает, как ничтожно все перед Ним, Чья слава одна пребывает вечно, и Кто в конце концов уничтожит грешника.

לַמְנַצֵּחַ עַל־הַגִּתִּית מִזְמוֹר לְדָוִד׃

ПСАЛОМ 8

Начальнику хора. На Гефском орудии. Псалом Давида

Господи, Боже наш!
Как величественно имя Твое по всей земле!
Слава Твоя простирается превыше небес!
Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу,
ради врагов Твоих,
дабы сделать безмолвным врага и мстителя.
Когда взираю я на небеса Твои –
дело Твоих перстов, на луну и звезды,
которые Ты поставил, то что есть человек,
что Ты помнишь его,
и сын человеческий, что Ты посещаешь его?
Не много Ты умалил его пред Ангелами:
славою и честью увенчал его;
поставил его владыкою над делами рук Твоих;
все положил под ноги его:
овец и волов всех,
и также полевых зверей,
птиц небесных и рыб морских,
все, преходящее морскими стезями.
Господи, Боже наш!
Как величественно имя Твое по всей земле!

Псалмы сотворения – не лирические произведения, а помощь для народа Божьего, чтобы благодаря познанной благодати спасения он находил и почитал Творца Вселенной. Творение служит верующему, и всякое творение Божье хорошо, если принимается нами с благодарением (1 Тим 4:3 – 4). Однако благодарить мы можем только за то, что созвучно Откровению Божьему в Иисусе Христе. Ради Иисуса Христа существует все сотворенное со своими дарами. Так мы благодарим Бога за величие Его творения со Христом, во Христе и через Христа, Которому принадлежим.

Закон

Три псалма (Пс 1, Пс 18, Пс 118), рассматривающие Закон Божий как особую причину для благодарения, славословия и прошения, прежде всего показывают нам благо Закона. Под Законом в этом случае обычно понимается все искупительное действие Божье и наставление к новой жизни в послушании. Мы преисполняемся любовью к Закону, к заповедям Господним, когда Бог через Иисуса Христа совершает основополагающий переворот в нашей жизни. Мысль о том, что Бог может когда-нибудь сокрыть от меня Свою заповедь (Пс 118:19), что

однажды Он может лишить меня познания Его воли, приносит ужас в новую жизнь.

Знать Божьи повеления – благо. Они освобождают от самовольных планов и конфликтов, укрепляют нашу поступь и приносят радость в пути. Бог дает Свои заповеди, чтобы мы исполняли их, «и заповеди Его нетяжки» (1Ин 5:3) для того, кто свое спасение нашел в Иисусе Христе. Иисус сам был под законом и исполнил его в полном послушании Отцу. Воля Божья была Ему радостью и пищей. Так Он и в нас благодарит за благодать закона и дарит нам радость его исполнения. Теперь и мы признаемся в любви к закону, хотим соблюдать его и просим о том, чтобы сохраниться в нем без порока. Не своей силой мы делаем это, но молимся во имя Иисуса Христа, предстоящего за нас.

Возможно, сто восемнадцатый псалом особенно труден из-за своей величины и симметричности, наличия повторов. Здесь необходимо очень медленно, тихо, терпеливо идти от слова к слову и от фразы к фразе. Тогда мы поймем, что кажущиеся повторения на самом деле суть новые стороны любви к Слову Божьему. Как не может быть конца у этой любви, так нет его и у слов, которыми ее исповедуют. Они стремятся сопровождать нас всю жизнь и в своей простоте становятся молитвой и ребенка, и мужчины, и старика.

2-3641

История спасения

Псалмы 77, 104 и 105 рассказывают об истории народа Божьего на земле, о благодати избранности и верности Бога, а также о неверности и неблагодарности Его народа. Псалом 77 вообще не содержит молитвенного обращения. Как же молиться этими псалмами? Псалом 105 побуждает нас к благодарению, поклонению, обету, прошению, покаянию и воплю о помощи перед лицом прошлой истории спасения. Благодарение – за Божью милость, которая вечно пребывает с Его народом, к которой и мы, сегодняшние, причастны, как прежде отцы наши. Поклонение – за чудеса, которые Бог совершал для нас, от освобождения из египетского рабства до Голгофы. Обет – большей верности Богу, чем до сего дня. Прошение – о помощи Его благодати, как Он Сам возвестил. Покаяние – в своих грехах, неверности и недостоинстве перед лицом столь великого милосердия. Вопль – о помощи, чтобы собрал Он, наконец, народ Свой и искупил его.

Молясь этими псалмами, мы рассматриваем все, что Бог совершил для Своего народа, как совершенное для нас, исповедуем нашу вину и благодать Божью, напоминаем Богу о Его возвещении ради прежних благодеяний Его и просим об исполнении возвещенного. Наконец, мы

видим всю историю Бога и Его народа исполнившейся в Иисусе Христе, через Которого Бог даровал и продолжает даровать нам помощь. Ради Иисуса Христа мы и приносим Богу благодарение, прошения и покаяние.

Мессия

История спасения обретает свою полноту в Мессии, ниспосланном Богом. Об этом Мессии, по истолкованию Самого Христа, пророчествует Псалтирь (Лк 24:44). Христианской общине псалмы 21 и 68 известны как псалмы о страстях Христовых.

Первой строкой двадцать первого псалма молился Сам Иисус на кресте, сделав его Своей молитвой. Двадцать третий стих вкладывает Христу в уста Послание к Евреям (2:12). Девятый и девятнадцатый стихи – непосредственные пророчества о распятии Иисуса. Хотя Давид некогда молился этим псалмом в собственной скорби, он делал это как помазанный Богом и преследуемый людьми царь, из семени которого должен произойти Христос. Он делал это как тот, кто носил Христа в себе. Христос прикоснулся к этой молитве, и только для Него она предназначена полностью. Мы же можем мо-

литься ею только в общении с Иисусом Христом, как те, кто получил часть в Его страданиях. Не пред лицом нашего случайного личного страдания, но пред лицом страстей Христовых, снизошедших на нас, мы молитвенно читаем этот псалом. Мы всегда слышим молящегося с нами Христа, через него же – ветхозаветного царя, и, повторяя эту молитву, хотя нам никогда не суметь измерить и постичь всю ее глубину, мы вместе со Христом молитвенно предстоим перед престолом Божьим.

В Псалме 68 часто спотыкаются на шестом стихе, потому что здесь Христос оплакивает безумие и грехи Свои. Безусловно, Давид говорил здесь о своей личной вине. Христос же говорит о вине всех людей – в том числе и Давида, и моей, – которую Он взял на Себя и понес, за которую Он переносит теперь гнев Отца. Истинный Человек Иисус Христос молится в этом псалме и включает нас в Свою молитву.

Псалмы 2 и 109 провозглашают победу Христа над врагами, утверждение Царства Его, прославление народом Божьим. И здесь пророчество отталкивается от истории Давида и его царства. Мы же узнаем в Давиде грядущего Христа. Лютер называет 109-й псалом «верным и славным великим псалмом о возлюбленном Господе нашем Христе Иисусе».

ПСАЛОМ 21

Начальнику хора. При появлении зари. Псалом Давида

Боже мой! Боже мой! для чего Ты оставил меня?
Далеки от спасения моего слова вопля моего.
Боже мой! я вопию днем, -
и Ты не внемлешь мне,
ночью, - и нет мне успокоения.
Но Ты, Святый,
живешь среди славословий Израиля.
На Тебя уповали отцы наши;
уповали, и Ты избавлял их;
к Тебе взывали они, и были спасаемы;
на Тебя уповали, и не оставались в стыде.
Я же червь, а не человек,
поношение у людей и презрение в народе.
Все, видящие меня, ругаются надо мною,
говорят устами, кивая головою:
«он уповал на Господа; пусть избавит его,
пусть спасет, если он угоден Ему».
Но Ты извел меня из чрева,

вложил в меня упование у грудей матери моей.
На Тебя оставлен я от утробы;
от чрева матери моей Ты - Бог мой.
Не удаляйся от меня,
ибо скорбь близка,
а помощника нет.
Множество тельцов обступили меня;
тучные Васанские окружили меня,
раскрыли на меня пасть свою,
как лев, алчущий добычи и рыкающий.
Я пролился, как вода;
все кости мои рассыпались;
сердце мое сделалось, как воск,
растаяло посреди внутренности моей.
Сила моя иссохла, как черепок;
язык мой прильпнул к гортани моей,
и Ты свел меня к персти смертной.
Ибо псы окружили меня,
скопище злых обступило меня,
пронзили руки мои и ноги мои.
Можно было бы перечесть все кости мои;
а они смотрят и делают из меня зрелище;
делят ризы мои между собою
и об одежде моей бросают жребий.
Но Ты, Господи, не удаляйся от меня;

сила моя! поспеши на помощь мне;
избавь от меча душу мою
и от псов одинокую мою;
спаси меня от пасти льва
и от рогов единорогов, услышав, избавь меня.
Буду возвещать имя Твое братьям моим,
посреди собрания восхвалять Тебя.
Боящиеся Господа! восхвалите Его.
Все семя Иакова! прославь Его.
Да благоговеет пред Ним все семя Израиля,
ибо Он не презрел и не пренебрег скорби страждущего,
не скрыл от него лица Своего,
но услышал его, когда сей воззвал к Нему.
О Тебе хвала моя в собрании великом;
воздам обеты мои пред боящимися Его.
Да едят бедные и насыщаются;
да восхвалят Господа ищущие Его;
да живут сердца ваши во веки!
Вспомнят, и обратятся к Господу
все концы земли,
и поклонятся пред Тобою
все племена язычников,
ибо Господне есть царство,
и Он – Владыка над народами.
Будут есть и поклоняться все тучные земли;

преклонятся пред Ним все
нисходящие в персть
и не могущие сохранить жизни своей.
Потомство мое будет служить Ему,
и будет называться Господним вовек:
придут и будут возвещать правду Его
людям, которые родятся, что́ сотворил Господь.

Девятнадцатый, двадцатый и семьдесят первый псалмы, без сомнения, относятся к земному царству Давида и Соломона. Псалом 19 молит о победе мессианского царя над врагами и о том, чтобы Бог принял его жертву, Псалом 20 благодарит за победу и коронование царя, Псалом 71 просит о правде и помощи бедным, о мире, стабильном правлении и вечной славе в его царстве. Мы в этих псалмах молимся о победе Христа в мире, благодарим за свершившуюся победу и просим об утверждении царства мира и справедливости под властью Иисуса Христа. Сюда же относится Пс 60:7 и далее Пс 62:12.

О любви к мессианскому царю, его красоте, богатстве и могуществе говорит сорок четвертый псалом, часто служащий камнем преткновения. Обручаясь этому царю, невеста должна забыть народ свой и дом отца своего (Пс 44:11), прославляя царя. Ей должно украшать себя для него одного и с радостью входить в его чертог. Это песнь и молитва о любви между Иисусом Царем и общиной, принадлежащей Ему.

Церковь

Об Иерусалиме, городе Божьем, о великих празднествах народа Божьего, о храме и прекрасных

богослужениях поют Псалмы 26, 41, 45, 47, 62, 80, 83, 86 и другие. То, за что мы благодарим здесь, чему радуемся и чего жаждем – это присутствие спасающего Бога среди Его общины. Что для народа Израилева гора Сион и храм, то для нас Церковь Божья по всему миру, где бы ни обитал Бог со Своей общиной в Слове и Таинстве. Эта Церковь пребудет вопреки всем врагам (Пс 45), ее пленение силами безбожного мира придет к концу (Пс 125, Пс 136). В пребывающем во Христе среди Своей общины благом Боге исполняется всякое благодарение, вся радость и жажда псалмов. Как Иисус, в Котором живет Сам Бог, желал общения с Богом, потому что был человеком, подобным нам (Лк 2:49), так Он молится с нами о совершенной близости и присутствии Бога среди тех, кто принадлежит Ему.

Бог обещал присутствовать в богослужениях Своей общины. Таким образом община согласно Его установлениям совершает богослужение. Однако совершенное богослужение было отслужено Христом, когда Он объединил все предписанные жертвоприношения в своей свободной и безгрешной Жертве. Христос принес жертву Бога нам и нашу жертву Богу в Самом Себе. Нам остается только жертва хвалы и благодарения в молитвах, песнопениях и жизни по заповедям Божьим (Пс 14, Пс 49). Так вся наша жизнь становится

богослужением, жертвой благодарения. Такую жертву примет Бог, благодарному явит спасение Свое (Пс 49:23). Быть благодарным Богу ради Христа и хвалить Его в церкви сердцем, устами и руками – этому хотят научить нас псалмы.

Жизнь

Многие серьезные христиане, молитвенно читая псалмы, замечают, как часто встречается в них прошение о жизни и счастье. От сосредоточения на кресте Христовом у некоторых появляется нездоровая мысль, что жизнь и видимые земные благословения Божьи – по природе своей сомнительные блага, во всяком случае, не то, к чему следует стремиться. Соответствующие молитвы Псалтири они считают проявлением несовершенного благочестия Ветхого Завета, преодоленного в Завете Новом. Однако так они пытаются быть духовнее Самого Бога.

Как прошение о хлебе насущном включает в себя всю область телесных жизненных нужд, так и прошение о жизни, здоровье и видимых проявлениях милости Божьей необходимо принадлежит к молитве, обращенной к Богу – Творцу и Подателю этой жизни. Телесная жизнь не заслуживает презрения, напротив, для того да-

ровал нам Бог Свое общение в Иисусе Христе, чтобы мы в этой, а после, и в той жизни, жили Им. Он дает нам земные молитвы, чтобы мы лучше познали, прославили и полюбили Его. Бог хочет, чтобы праведным было на земле хорошо (Пс 36). Это желание не отменяется Крестом Христовым, а, наоборот, подтверждается им: и именно там, где людям в наследовании Христу приходится претерпевать много лишений, они, как апостолы, на вопрос Иисуса «имели ли вы в чем недостаток?» ответят «Ни в чем» (Лк 22:35). Для этого необходимо осознание того, о чем говорит псалмопевец: «Малое у праведника – лучше богатства многих нечестивых» (Пс 36:16).

Нам в самом деле не стоит мучиться совестью, молясь с авторами псалмов о жизни, здоровье, мире и земных благах, если мы, как и сам псалмопевец, видим во всем этом доказательства милостивого общения Бога с нами и твердо помним, что милость Божья лучше, нежели жизнь (Пс 62:4 – 6, Пс 72:25 – 26).

Псалом 102 учит нас понимать все разнообразие даров Божьих – от сохранения жизни до прощения грехов – как единое целое и предстоять перед Богом, прославляя и благодаря Его за это (ср. Пс 64). Ради Иисуса Христа Творец дает и сохраняет нам жизнь. Так Он хочет при-

готовить нас к тому, чтобы в конце, утратив в смерти все земные блага, мы приобрели жизнь вечную. Только ради Иисуса Христа и по Его заповеди мы можем молиться о земных благах, и ради Него же нам следует делать это с доверием. Когда же мы получим то, в чем нуждаемся, мы не должны переставать от всего сердца благодарить Бога за то, что Он ради Христа столь благ к нам.

Страдание

«Где найдешь ты более жалобные и горестные стенания, чем в псалмах плача? Там ты проникаешь в сердца всех святых, как в смерть, как в самый ад. Как темно там и мрачно, и весьма печально от вида гнева Божьего» (Лютер)*.

Псалтирь в изобилии преподносит нам примеры того, как должным образом прибегать к Богу в разнообразных страданиях, которые причиняет нам мир. Тяжелая болезнь, чувство полной оставленности Богом и людьми, угроза, преследование, плен и вся мыслимая земная нужда – все это известно псалмопевцам (Пс 12, Пс 30, Пс 34, Пс 40, Пс 43, Пс 53, Пс 54, Пс 55,

---

См. настоящее издание, стр. 89.

Пс 60, Пс 73, Пс 78, Пс 85, Пс 87, Пс 101, Пс 104 и др.). Они не закрывают на это глаза, не забалтывают благочестивыми речениями, но принимают как тяжкое испытание веры и порой даже не видят страданию конца (Пс 87), но все они вопиют о нем к Богу. Никакой человек не может из личного опыта применить к себе все псалмы плача: в них раскрываются все нужды общины во все времена, которые один только Иисус Христос пережил целиком. Поскольку они посылаются по воле Божьей, поскольку Бог знает их полностью лучше нас самих, потому только Бог и может в них помочь, но для этого мы должны снова и снова громогласно взывать к Нему о них.

Псалмопевцы не особенно быстро смиряются со страданием. Всегда молящийся проходит через борьбу, страх и сомнение. Он спорит со справедливостью и даже с благостью Божьей, раз по Его попущению благочестивые претерпевают несчастья, а безбожники живут безбедно (Пс 43:25). Слишком непостижимы деяния Его. Но и в состоянии глубочайшей безнадежности речь обращена только к Богу. Страдающий не ждет помощи от людей и не теряет из виду от жалости к самому себе Бога как Источник и Цель всякой нужды. Он борется с Богом за Бога. Разгневанному Богу несчетное количество раз

напоминают о Его клятвах, о прежних благодеяниях, о славе Имени Его между людьми.

Если я виновен, почему Бог не прощает? Если невиновен – почему Он не положит конец мучениям и не явит мою невиновность перед врагами? (Пс 37, Пс 43, Пс 78). Умозрительного ответа на все эти вопросы нет, как не будет его и в Новом Завете. Единственный истинный ответ – Иисус Христос.

Мольба об этом ответе и звучит уже в псалмах. Всех их объединяет то, что нужды и искушения они отдают Богу: мы больше не можем их нести, возьми их у нас и неси Сам, только Ты можешь победить страдание. Такова цель всех псалмов плача. Они молятся о том, Кто взял на Себя болезнь и понес все наши немощи, Иисусе Христе. Они возвещают Христа как единственную помощь в страдании, потому что в Нем с нами Бог.

Псалмы плача говорят о полном общении с Богом, Который есть справедливость и любовь. Но Христос не только цель нашей молитвы, Он Сам присутствует в ней. Он, понесший всякую нужду, вручил ее Богу, ради нас Он во имя Бога молился: «Не как Я хочу, но как Ты».

Ради нас Он возопил на кресте: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»

Теперь мы знаем, что нет больше страдания на земле, в котором Христос не был бы с нами,

сострадая нам и с нами молясь, как единственный Помощник.

На этой почве растут великие псалмы доверия. Доверие Богу без Христа пусто и слабо, более того, оно может быть только новой формой самоуверенности. Однако тот, кто знает, что Бог в Иисусе Христе Сам вошел в наше страдание, может в твердой уверенности сказать: «Ты со мной; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня» (Пс 22, Пс 36, Пс 62, Пс 72, Пс 90, Пс 120).

Вина

Реже, чем ожидаем, встречаем мы в Псалтири мольбу о прощении грехов. Большинство псалмопевцев исходят из полной уверенности в прощении. Это может показаться удивительным, но и в Новом Завете ситуация не меняется. Заставлять христианскую молитву вращаться только вокруг прощения грехов – значит опасно искажать ее. Существует спокойное оставление греха в прошлом ради Иисуса Христа.

Тем не менее в Псалтири отнюдь не отсутствует покаянная молитва. Так называемые семь покаянных псалмов (Пс 6, Пс 31, Пс 37, Пс 50, Пс 101, Пс 129, Пс 142) и не только они

(Пс 13, Пс 15, Пс 24, Пс 30, Пс 38, Пс 39, Пс 40 и др.), вводят нас во всю глубину покаяния перед Богом, помогают исповедать свою вину, обращают все упование на прощающую благодать Божью, так что Лютер справедливо назвал их «Павловыми псалмами». Обычно к такой молитве приводит конкретный повод, будь это тяжкая вина (Пс 31, Пс 50) или неожиданная болезнь, побуждающая к покаянию (Пс 37, Пс 101). Каждый раз надежда полагается на щедрое прощение, какое предложил и пообещал нам Бог в слове Своем об Иисусе Христе на все времена.

Вряд ли у христианина возникнут трудности при молитвенном чтении этих псалмов. Тем не менее остается вопрос, как представить Христа молящимся с нами этими псалмами. Как может Безгрешный просить о прощении? Тем же образом, каким Безгрешный может понести грехи всего мира и соделаться для нас грехом (2 Кор 5:21)*. Христос молит о прощении не Своих, а наших грехов, которые Он взял на Себя и за которые страдает. Таким образом, Он вместе с нами молится самой человеческой из всех молитв и именно в ней являет Себя истинным Сыном Божьим.

Особенно бросается в глаза евангельскому христианину и смущает тот факт, что в Псалти-

---

* В Русском синодальном переводе: «жертвою за грех».

ри не реже, чем о вине, идет речь о невинности праведника (см. Пс 5, Пс 7, Пс 9, Пс 15, Пс 16, Пс 25, Пс 34; Пс 43, Пс 58, Пс 65, Пс 67, Пс 68, Пс 72, Пс 85 и др.). Можно предположить, здесь проявляются отголоски так называемого ветхозаветного оправдания делами, которое для христианина глубоко чуждо. Однако такой взгляд остается поверхностен и не стремится проникнуть в глубину Слова Божьего. Несомненно, можно рассматривать слова о собственной невинности как самопревозношение, но разве мы не знаем, что и смиреннейшими покаянными молитвами можно молиться, восхваляя себя? Говорящий о своей вине может находиться столь же далеко от Слова Божьего, как и говорящий о своей невинности.

Речь, однако, не о том, какие мотивы кроются за той или иной молитвой, а о том, верно или ложно само содержание молитвы. Здесь становится ясно, что верующий христианин, безусловно, может сказать нечто важное не только о своей вине, но и о своей невинности и праведности. Вера христианина заключается среди прочего и в том, что он, благодаря благодати Божьей и заслугам Иисуса Христа, стал совершенно праведным и невинным в очах Бога, так что «нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе» (Рим 8:1). Так и молитва хрис-

тианина заключается в числе прочего и в том, чтобы держаться этой данной ему праведности и невинности, благодаря за нее и полагаясь на Слово Божье. Мы не только можем, но и должны, если только мы принимаем всерьез действие Божье в нас, со всем смирением и уверенностью молиться: «Я был непорочен пред Ним и остерегался, чтобы не согрешить мне» (Пс 17:24), «Ты испытал сердце мое, посетил меня ночью, искусил меня и ничего не нашел» (Пс 16:3). Молясь так, мы находимся в цетре Нового Завета, в единении с Крестом Иисуса Христа.

Особенно ярко выделяется заверение в невинности в тех псалмах, где речь идет о притеснении от руки врагов-безбожников. Здесь основной акцент делается на правоте дела Божьего, которое оправдывает и своего сторонника. Если нас преследуют из-за Божьего дела, это действительно делает нас невинными перед врагами Бога. Рядом с общей невинностью, которая впрочем не может быть только общей, поскольку дело Божье всегда касается нас лично, в таком псалме может стоять признание личной вины (Пс 40:5, Пс 68:6), которое тоже служит признаком того, что я действительно верен делу Божьему. Тогда я могу молиться: «Суди меня, Боже, и вступись в тяжбу мою с народом недобрым» (Пс 42:1).

לַמְנַצֵּחַ מִזְמוֹר לְדָוִד :

ПСАЛОМ 50

Начальнику хора. Псалом Давида, когда приходил к нему пророк Нафан, после того, как Давид вошел к Вирсавии

Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей,
и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои.
Многократно омой меня от беззакония моего,
и от греха моего очисти меня,
ибо беззакония мои я сознаю,
и грех мой всегда предо мною.
Тебе, Тебе единому согрешил я
и лукавое пред очами Твоими сделал,
так что Ты праведен в приговоре Твоем
и чист в суде Твоем.
Вот, я в беззаконии зачат,
и во грехе родила меня мать моя.
Вот, Ты возлюбил истину в сердце
и внутрь меня явил мне мудрость.
Окропи меня иссопом, и буду чист;
омой меня, и буду белее снега.
Дай мне услышать радость и веселие,
и возрадуются кости, Тобою сокрушенные.

Отврати лице Твое от грехов моих
и изгладь все беззакония мои.
Сердце чистое сотвори во мне, Боже,
и дух правый обнови внутри меня.
Не отвергни меня от лица Твоего
и Духа Твоего Святого не отними от меня.
Возврати мне радость спасения Твоего
и Духом владычественным утверди меня.
Научу беззаконных путям Твоим,
и нечестивые к Тебе обратятся.
Избавь меня от кровей, Боже,
Боже спасения моего,
и язык мой восхвалит правду Твою.
Господи! отверзи уста мои,
и уста мои возвестят хвалу Твою:
ибо жертвы Ты не желаешь, –
я дал бы ее;
к всесожжению не благоволишь.
Жертва Богу – дух сокрушенный;
сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже.
Облагодетельствуй по благоволению Твоему Сион;
воздвигни стены Иерусалима:
тогда благоугодны будут Тебе жертвы правды,
возношение и всесожжение;
тогда возложат на алтарь Твой тельцов.

Мысль о том, что мы не можем страдать невинно, пока в нас остается хоть какой-то недостаток, совершенно небиблейская и разрушительная. Так не судит ни Ветхий, ни Новый Завет. Если нас преследуют ради дела Божьего, мы страдаем невинно, так как мы страдаем с Самим Богом. А что мы действительно с Ним и потому невинны, подтверждается тем, что мы просим о прощении вины.

Но не только перед врагами Божьими мы невинны, но и перед Самим Богом: Он видит нас только в единении со Своим делом, к которому Сам же призвал нас, и прощает нам наши грехи. Все псалмы невинности вливаются в одну песнь:

Христова Кровь и праведность Его –
Покров, величье, радость для того,
Кто в них предстанет пред Творцом
Когда войдет в Небесный дом.*

Враги

Никакая часть Псалтири не представляет для нас такой трудности, как псалмы мести. С ужасающей частотой их мысли пронизывают всю Псалтирь (Пс 5, Пс 7, Пс 9, Пс 10, Пс 13, Пс 16,

* Первая строфа гимна Николая Цинцендорфа (Nicolaus von Zinzendorf), 1739.

Пс 20, Пс 27, Пс 30, Пс 34, Пс 36, Пс 51, Пс 53, Пс 54, Пс 57, Пс 58, Пс 68, Пс 69, Пс 109, Пс 136 и др.). Кажется, все попытки присоединиться к молитве обречены на поражение, действительно, похоже, перед нами только так называемая религиозная предыстория Нового Завета. Христос на кресте молился за врагов Своих и нас учил поступать именно так. Как же мы можем псалмами призывать месть Бога на головы врагов? Итак, вопрос в том, возможно ли понимать псалмы мести как Слово Божье для нас и как молитву Христа? Можем ли мы, христиане, молиться этими псалмами?

Заметим, что мы снова спрашиваем не о мотивах, которые нам все равно не постичь, а о содержании такой молитвы.

Враги, о которых идет здесь речь, это враги дела Божьего, которые поэтому и на нас нападают, так что о личной вражде речь не идет. Нигде молящийся не хочет взять дело отмщения в собственные руки, он предоставляет месть одному лишь Богу (см. Рим 12:19). Человек должен отказаться от личных мстительных мыслей, должен быть свободен от жажды мести, иначе она не была бы отдана Богу всерьез. Только тот, кто сам невиновен перед лицом врага, может взывать к Богу о мести. Этот суд неотвратим, поскольку Бог верен Своему слову, и не-

лицеприятен: я сам со своим грехом попадаю под него. У меня нет права препятствовать Божьему правосудию. Оно должно быть исполнено, такова природа Бога, оно и исполнилось, пусть и чудесным образом.

Месть Бога обрушилась не на грешников, а на единственно Безгрешного, заменившего грешников Собою, – на Сына Божьего. В Иисусе Христе осуществилось возмездие Бога, об исполнении которого взывает псалом. Он утишил Божий гнев, бывший следствием греха, и молился в час исполнения Божественного правосудия: «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят!»

Никто кроме Него, понесшего гнев Божий, не мог так молиться. На этом заканчиваются все ложные построения о Божьей любви, которая якобы не принимает грех особенно всерьез. Бог ненавидит и карает врагов Своих в единственном Праведнике, а Тот молится о прощении для врагов Божьих. Только в кресте Иисуса Христа можно найти любовь Бога.

Так псалом мести приводит ко кресту Иисуса и всепрощающей любви Божьей к Его врагам. Я не могу простить врагов Божьих, но только лишь распятый Христос может. Я же получаю эту возможность через Него. Так осуществление мести становится благодатью для всех людей в Иисусе Христе.

Несомненно, важен вопрос, нахожусь ли я с этим псалмом во времени упования или же во времени исполнения; он применим ко всем псалмам. Я молюсь псалмом мести, пребывая в уверенности, что он чудесным образом исполнится. Я предоставляю мщение Богу и прошу о совершении Его правосудия надо всеми врагами Его, зная, что Бог остался верен Себе и воплотил правосудие в гневном суде Креста, и что этот гнев сделался для нас благодатью и радостью. Иисус Христос Сам просит об исполнении возмездия Божьего на Своем теле и тем самым постоянно напоминает мне о значимости и благодати Креста для меня и всех врагов Божьих.

Сегодня я тоже могу верить любви Божьей и прощать врагов только через крест Христов, через осуществление Божьего возмездия. Крест Иисусов предназначен всем. Кто противостоит ему, кто искажает слово Божье о кресте Иисуса, на том месть Божья должна исполниться непосредственно, и он понесет на себе проклятие Божье в этой или той жизни. Об этом проклятии, поражающем ненавидящих Христа, Новый Завет говорит со всей возможной ясностью и в этом ничем не отличается ни от Ветхого, ни от той радости, которую испытает Церковь в день, когда Бог произнесет последний суд

מִזְמוֹר לְאָסָף׃

ПСАЛОМ 72

Как благ Бог к Израилю, к чистым сердцем!
А я – едва не пошатнулись ноги мои,
едва не поскользнулись стопы мои, –
я позавидовал безумным,
видя благоденствие нечестивых,
ибо им нет страданий до смерти их,
и крепки силы их;
на работе человеческой нет их,
и с прочими людьми не подвергаются ударам.
Оттого гордость, как ожерелье, обложила их,
и дерзость, как наряд, одевает их;
выкатились от жира глаза их,
бродят помыслы в сердце;
над всем издеваются, злобно разглашают клевету,
говорят свысока;
поднимают к небесам уста свои,
и язык их расхаживает по земле.
Потому туда же обращается народ Его,
и пьют воду полною чашею,

и говорят: «как узнает Бог?
и есть ли ведение у Вышнего?»
И вот, эти нечестивые
благоденствуют в веке сем, умножают богатство.
Так не напрасно ли я очищал сердце мое
и омывал в невинности руки мои,
и подвергал себя ранам всякий день
и обличениям всякое утро?
Но если бы я сказал: «буду рассуждать так», –
то я виновен был бы пред родом сынов Твоих.
И думал я, как бы уразуметь это,
но это трудно было в глазах моих,
доколе не вошел я во святилище Божье
и не уразумел конца их.
Так! на скользких путях поставил Ты их
и низвергаешь их в пропасти.
Как нечаянно пришли они в разорение,
исчезли, погибли от ужасов!
Как сновидение по пробуждении, так Ты, Господи,
пробудив их, уничтожишь мечты их.
Когда кипело сердце мое, и терзалась внутренность моя,
тогда я был невежда и не разумел;
как скот был я пред Тобою.
Но я всегда с Тобою:
Ты держишь меня за правую руку;

Ты руководишь меня советом Твоим
и потом примешь меня в славу.
Кто мне на небе? и с Тобою ничего не хочу на земле.
Изнемогает плоть моя и сердце мое:
Бог твердыня сердца моего и часть моя вовек.
Ибо вот, удаляющие себя от Тебя гибнут;
Ты истребляешь всякого отступающего от Тебя.
А мне благо приближаться к Богу!
На Господа Бога я возложил упование мое,
чтобы возвещать все дела Твои.

(Гал 1:8 – 9; 1 Кор 16:22; Откр 18:19, 20:11). Так распятый Христос учит нас правильно молиться псалмами мести.

Конец

Надежда христиан обращена ко второму пришествию Христа и воскресению мертвых. В Псалтири эта надежда не высказывается буквально. То, что во времена Воскресения Христова стало для Церкви длинной цепью событий в истории Спасения, в Ветхом Завете видится еще как единое и неделимое целое. Жизнь в общении с Богом Откровения, окончательная победа Бога в мире и устроение мессианского царства являются темами молитвы псалмов.

По существу тут нет разницы с Новым Заветом. Хотя псалмопевцы и просят об общении с Богом в земной жизни, они знают, что это общение в ней не осуществимо, ибо превосходит ее границы и даже ей противоречит (Пс 16:14 – 15). Таким образом, жизнь в общении с Богом всегда мыслилась по ту сторону смерти. Да, смерть – необратимый печальный конец для тела и души. Она – плата за грех, и о ней следует помнить (Пс 38; Пс 89). Однако по ту сторону смерти пребывает вечный Бог (Пс 89, Пс 101),

поэтому восторжествует не смерть, а жизнь в силе Божьей (Пс 15:9 – 11, Пс 55:14, Пс 48:16, Пс 72:24, Пс 118:15 и далее). Эту жизнь мы обретаем в Воскресении Иисуса Христа, и о ней мы просим для этого и грядущего времени.

Псалмы о конечной победе Бога и Его Мессии (Пс 2; Пс 95; Пс 96; Пс 97; Пс 109; Пс 148 – 150) вводят нас в славу, благодарение и прошение в конце времен, когда весь мир воздаст Богу хвалу, когда общество искупленных будет царствовать с Богом вовеки, когда силы зла падут, и власть будет принадлежать одному только Богу.

Прошение о Духе жизни

Мы предприняли это краткое путешествие по Псалтири, чтобы научиться лучше молиться некоторыми псалмами. Было бы нетрудно соотнести все названные псалмы с «Отче наш». Нам пришлось бы только немного изменить порядок обсуждавшихся моментов. Однако важно лишь, чтобы мы снова в верности и любви начали молитвенно читать псалмы во имя Господа нашего Иисуса Христа.

«Возлюбленный Господь наш, даровавший нам Псалтирь и «Отче наш» и научивший нас

ими молиться! Даруй нам также Духа молитвы и благодати, чтобы мы охотно и с искренней верой достойно и непрестанно молились, ибо в этом мы нуждаемся. Так Он повелел и этого Он от нас желает, Ему же да будет слава, честь и благодарение. Аминь» (Лютер).

Благословение утренней молитвы

Из привычного единства весь день получает порядок и устроение. Его следует искать и находить в утренней молитве, а после сохранять в работе. Ранняя молитва решает судьбу всего дня. Потерянное время, которого мы стыдимся, искушения, в которые впадаем, слабость и нерешительность в работе, беспорядочность и неаккуратность в мыслях и общении с другими людьми очень часто проистекают из пренебрежения утренней молитвой.

Порядок и распределение нашего времени становится тверже, когда проистекают из молитвы. Искушения, которые приносит с собой рабочий день, побеждаются прорывом к Богу. Решения, которых требует работа, становятся проще и легче, когда принимаются не из страха перед людьми, а единственно перед Лицом Божьим. «Все, что делаете, делайте от

לְדָוִד׃

ПСАЛОМ 103

Благослови, душа моя, Господа,
и вся внутренность моя - святое имя Его.
Благослови, душа моя, Господа
и не забывай всех благодеяний Его.
Он прощает все беззакония твои,
исцеляет все недуги твои;
избавляет от могилы жизнь твою,
венчает тебя милостью и щедротами;
насыщает благами желание твое:
обновляется, подобно орлу, юность твоя.
Господь творит правду и суд всем обиженным.
Он показал пути Свои Моисею,
сынам Израилевым - дела Свои.
Щедр и милостив Господь,
долготерпелив и многомилостив:
не до конца гневается,
и не вовек негодует.
Не по беззакониям нашим сотворил нам,
и не по грехам нашим воздал нам:
ибо как высоко небо над землею,

так велика милость к боящимся Его;
как далеко восток от запада,
так удалил Он от нас беззакония наши;
как отец милует сынов,
так милует Господь боящихся Его.
Ибо Он знает состав наш,
помнит, что мы – персть.
Дни человека – как трава;
как цвет полевой, так он цветет.
Пройдет над ним ветер, и нет его,
и место его уже не узнает его.
Милость же Господня от века и до века
к боящимся Его,
и правда Его на сынах сынов,
хранящих завет Его и помнящих заповеди Его,
чтобы исполнять их.
Господь на небесах поставил престол Свой,
и царство Его всем обладает.
Благословите Господа, Ангелы Его,
крепкие силою, исполняющие слово Его,
повинуясь гласу слова Его;
благословите Господа, все воинства Его,
служители Его, исполняющие волю Его;
благословите Господа, все дела Его,
во всех местах владычества Его.
Благослови, душа моя, Господа!

3-3641

души, как для Господа, а не для человеков» (Кол 3:23).

Механическая работа тоже совершается с большим терпением, если происходит из познания Бога и повелений Его. Силы для работы растут, когда мы просим Бога о том, чтобы Он благоволил дать нам сегодня силу, нужную для работы.

Несколько слов о жизни и творчестве Дитриха Бонхёффера

Его отец был известным берлинским врачом, сотрудником первой в Германии кафедры психиатрии; дед – бургомистром и пастором. В церкви Швебишхалля высятся старые надгробия с именами Бонхёфферов. Мать была внучкой Карла фон Хазе, довольно известного профессора церковной истории в Йене, которому в молодости пришлось посидеть под арестом в крепости Гогенасперг за выступления в защиту свободы студенческих корпораций.

В своей матери Дитрих Бонхёффер выделял живую потребность помогать ближним и неиссякаемую энергию, а в отце – в высшей степени разумную осмотрительность и собранность на пути к намеченной цели. Под первым сознательным впечатлением, произведенным на него личностью отца, у него произошел «поворот от фраз к реальности»*. Карл Бонхёффер был непрекло-

* Формула из письма Бонхёффера Эберхарду Бетге от 22 апреля 1944 г.

нен в воспитании у своих детей целеустремленности и нетерпим ко всяким преувеличенным чувствам. «Одним из сильнейших воспитательных моментов в нашей семье было для меня то, что мы должны были преодолевать столько препятствий в отношении объективности, ясности, естественности, такта, простоты, прежде чем могли сформулировать собственные высказывания», – писал Дитрих в одном из своих последних писем[*].

Рожденный 4 февраля 1906 г. в Бреслау, Бонхёффер рос среди многочисленных братьев и сестер в берлинском районе Грюневальд[**]. Он был сильным и ловким мальчиком; не любил проигрывать в соревнованиях – и не проигрывал. Придя однажды домой с большим дубовым венком на плечах, он был глубоко задет тем, что братья и сестры посмеялись над его украшением. Ему давали понять: побеждать хорошо, но в том, чтобы этим красоваться, хорошего мало. По соседству жили дети Адольфа фон Гарнака и Ганса Дельбрюка. Дети вместе проводили праздники, вместе музицировали – Дитрих был страстным пианистом, – вместе спорили и бродили по окрестностям.

Письмо от 14 августа 1944 г.

[**] У Дитриха было трое братьев и четыре сестры.

«В своих фантазиях я мечтаю о жизни на природе, точнее, среди летних предгорий, на лесных полянах близ Фридрихсбрунна или на склонах, с которых открывается вид на Брокен поверх Трезебурга. Я лежу в траве и смотрю на движимые легким ветерком облака, до меня доносится легкий шум леса. Любопытно, как сильно детские впечатления такого рода влияют на человека, мне кажется невозможной, даже противной всему моему существу, сама мысль о том, что наш дом мог бы стоять высоко в горах или у моря! Предгорья для меня – это сама природа, которая вошла в меня и оставила во мне свой отпечаток, – Гарц, леса Тюрингии, горы Везера», – так живы были для Бонхёффера впечатления юности в годы его тюремного заключения.

Во фрагменте романа, написанном также в тюрьме, Бонхёффер изображает сближение двух буржуазных семей, члены которых находят себя в служении обществу на разнообразных ответственных постах. Богатое прошлое не перестает обновляться, пробуждая живейшее сочувствие к каждому человеку. Это наследие Бонхёффер благодарно нес в себе. Позже ему пришлось испытать на собственном опыте, что даже во времена распада многих человеческих связей при гитлеровском режиме многочислен-

ная и столь любимая им семья сплотилась еще крепче, отношения в ней стали еще глубже, сколь бы различны ни были дела и интересы каждого. В годину жесточайших испытаний на прочность их общность не дала ни единой трещины. Каждый знал, что сердце другого отзывается, как его собственное, будь то в родительском доме или в далеком и скорбном добровольном изгнании братьев и сестер.

В шестнадцать лет Дитрих уже знал, что хочет посвятить себя богословию. В 1924 г., после двух семестров в Тюбингене, он был зачислен в Берлинский университет, где и прошли годы его учения. Утром, отправляясь в университет, он садился в поезд вместе с престарелым Адольфом фон Гарнаком. Когда-то Гарнак возбудил ожесточенный теологический спор, желая изменить формулировки церковного Символа веры, так как во что бы то ни стало хотел говорить только о том, что понятно ему самому. Теперь он рад был поговорить с молодым богословом, предчувствуя в нем приход нового поколения, которому предстоит уже не спорить о словах, но с риском для жизни исповедовать положения своей веры. «Я ни минуты не сомневаюсь в успехе Вашей работы и правильности избранного Вами пути», – писал он Дитриху, когда тот должен был оставить его семинар.

Учившийся, помимо Гарнака, у таких влиятельных университетских профессоров, как Карл Холль, Зееберг, Лицман и Лютгерт, и заслуживший их расположение, Бонхёффер вскоре сам стал одним из наиболее ярких представителей новой «теологии церкви», теологии Карла Барта, у которого он, однако, никогда не учился.

Рассказывают, что однажды в ходе дискуссии на семинаре Барта в Бонне Бонхёффер процитировал слова Лютера: «Хулы из уст безбожника для Бога могут звучать приятнее, чем славословия из уст праведника». Барт был в восторге: «Кто это сказал?» – обратился он к присутствующим. Так он познакомился с Дитрихом Бонхёффером. В двадцать один год он представил свою кандидатскую диссертацию, догматическое исследование о *Communio sanctorum*. Позднее, в своей докторской диссертации «Акт и бытие», продемонстрировав блестящее владение категориальным аппаратом современной философии, он определил место и значение «диалектической теологии».

В 1929 г. он викарий в Барселоне. Он искусно описывает глубоко захвативший его ритуал боя быков. Как часто старался он убедить нас, что не существует более аристократического выражения многовековой культуры!

В 1929 Бонхёффер снова в Берлине: ему поручают катехизационные занятия в Веддинге* со школьниками, с которыми никто кроме него не мог совладать. Ему удалось так привязать мальчиков к своему предмету, что еще много лет спустя часть из них проводила свободное время в Бизентале под Берлином, в хижине, которую приобрел для них Бонхёффер. «В чем вина тех, кого втолкнули в жизнь, лишив их почвы под ногами? Можешь ли ты пройти мимо них?» – спрашивает пролетарий сына бюргера в отрывке из драмы, в котором Бонхёффер в тюрьме вновь обращался к тем мыслям, что занимали его тогда, на занятиях с этой оторванной от корней молодежью. «Да, почва под ногами... Я раньше не думал об этом».

После защиты диссертации церковное руководство посылает его на один учебный год в Объединенную теологическую семинарию в Нью-Йорке, «которую боятся и уважают как оплот критики американского образа жизни», «место свободного обмена мнениями каждого с каждым, возможного благодаря свойственному американцам гражданскому мужеству и отсутствию излишней официальности в личном об-

* Один из самых неблагополучных пролетарских районов Берлина.

щении» (из отчета Бонхёффера 1931 г.). Здесь завязывается дружба с братьями Нибурами. Негритянские спиричуэлсы и борьба за равенство прав глубоко заинтересовали его. Когда спустя несколько лет Германия отгородилась от других стран прочной стеной, он вводил своих учеников в этот совершенно незнакомый им мир; мы напевали себе под нос «swing low, sweet chariot» еще за двадцать лет до того, как этот мотив достиг немецкого радио и концертных залов. Когда Бонхёффер в 1939 г. видит Америку во второй раз, ему уже негде больше печатать свой отчет. Но теперь он отчетливо сознает те богатые возможности, которые открывает диалог «Протестантизма без реформации» (США) с Церквями Реформации.

Вернувшись в Берлин, он начинает свои лекции в университете, и вскоре вокруг него складываются кружки единомышленников; гегелевский семинар дает начало пребеловскому дружескому кружку. Резкая критика представлений о Церкви внезапно выливается в требование любить *ecclessia visibilis*, земное проявление Церкви, в церкви Старопрусского союза. Из лекций складывается первая книга Бонхёффера, имевшая широкий резонанс, – «Творение и грехопадение», теологический комментарий трех первых глав Книги Бытия. В это же самое

время он исполняет должность студенческого пастора в Высшей технической школе в Шарлоттенбурге. Его проповеди пользуются неизменным успехом, на его лекциях множество слушателей, но несмотря на все это студенческая община не складывается. Время таких общин еще не пришло. Не желая играть роль свадебного генерала, он отказывается от места студенческого пастора.

Но вот наступает 1933 г. Еще в феврале доклад Бонхёффера звучит по радио: он выступает с критикой тоски по вождю (Führer), который неизбежно станет совратителем (Verführer), если со всей решительностью не отвергнет намерения стать кумиром и идолом для ведомых им; кумиром, вместо того, чтобы делать собственный авторитет в конечном счете излишним, направляя к истинному авторитету отца, учителя, судьи. Передача была прервана прежде, чем доклад был закончен. Когда в октябре 1939 г. становится ясно, что идол и кумир все-таки одержал победу, Бонхёффер принимает приглашение двух немецких приходов в Лондоне. Он не хочет никаким образом участвовать в церковном строительстве, затеваемом Немецкими христианами. «Теперь остается терпеть и потихоньку раздувать у каждого угла этого роскошного здания пожар истины, в огне которого

в один прекрасный день все оно погибнет», – с такими словами он расставался со своими учениками.

За границей он становится одним из тех, кто по-настоящему знал о положении дел в немецкой церкви. В это время завязывается прочная дружба с епископом Чичестерским. Тот, оказавшись в 1945 г. в разрушенном Берлине, в первую очередь навестил родителей Бонхёффера, отложив все другие дела. На драматически проходившей Конференции 1934 г. на острове Фанё Бонхёффер был руководителем делегации немецкой молодежи. После его столкновения с представителями руководства Немецких христиан датский епископ Аммундсен возвышает свой голос в поддержку Исповедующей церкви. «С конференции на Фанё экуменическое движение вступило в новую эпоху», – таков был вывод его статьи. Перед Исповедующей церковью и экуменическим движением лежал выбор между ни к чему не обязывающим объединением и принятием реальных решений за и против Церкви Христовой.

Знакомство с Англией пробудило в Бонхёффере живой интерес к пацифистским движениям, при помощи своего английского друга Эндрюса он начинает готовиться к поездке в Индию к Ганди; в это же время он получает приглаше-

ние от Исповедующей церкви взять на себя руководство семинаром в рамках подготовки молодых пасторов в Поммерне. Бонхёффер соглашается. В апреле 1935 г. он вместе с двадцатью пятью викариями едет в Цингст, а затем в Финкенвальд, и живет там с братьями в ветхих, наспех отремонтированных домиках. Он делится с ними всем, что имеет, материальным и духовным, делится своим временем и своими замыслами. Он настолько щедр, что и рядом находящиеся с ним люди просто не могут быть другими: мелочность и скупость сходит с них, как снег под лучами солнца. Поначалу многие боятся строгости и силы его мысли, но вскоре чувствуют, что никто прежде не выслушивал их столь доброжелательно и проникновенно, чтобы потом советовать и спрашивать с учеников так, как не удавалось до сих пор никому другому. Здесь, на семинарах, все ново, все будто в первый раз – занятия теологией, жизнь бок о бок с друзьями, церковная и политическая определенность. Порой, от того, что он видел, как сильно его влияние на окружающих, Бонхёффера охватывало отвращение перед тем, что его здоровье и жизненная энергия, его превосходство и его мнение имеют успех; такие минуты были тяжелейшим испытанием его веры. Ему претила всякая несамостоятельность, и потому он проявлял вели-

чайшую осторожность, стараясь помочь вверенным ему молодым людям встать на ноги.

В это время из-под его пера выходят полемические произведения, направленные против каких бы то ни было смягчений принципов церковного движения: «Мы больше не можем отказываться от Бармена и Далема, ибо не можем отказаться от Слова Божьего».

Настоящая буря поднялась в связи с тем, что он осмелился связать судьбу Исповедующей церкви с вопросом о спасении. В это время выходят его книги «Следование за Христом» (1937), где он возвышает голос против разбазаривания благодати Божьей, и «Жизнь вместе» (1938), которая сопоставляла библейские прозрения с опытом Финкенвальда. Обе эти книги еще при жизни сделали имя Бонхёффера и его проповедь о том, что значит быть со Христом, известными всей Германии. Он снова возродил во многих любовь к Писанию. Вскоре после того, как на свет появился этот сборник псалмов, семинар проповедников был распущен, а самому Бонхёфферу было запрещено публиковаться.

Между тем другие события начинают вмешиваться в жизнь и в мысли Дитриха Бонхёффера. Благодаря мужу своей сестры, Гансу фон Донаньи, он узнает о кризисе вокруг генерала Фрича и зреющем плане заговора в окружении

генерала Бека. Некогда всей душой защищавший пацифистские идеи (в тогдашней Германии нечто почти неслыханное), теперь он чувствует, что уклоняться от контактов с политиками и военными из Сопротивления, с которыми познакомился за годы своей деятельности, было бы для него непозволительным бегством. Дело не в том, что каждый должен был действовать так же, как он, но в своем положении он не видел возможности укрыться в некоем безгрешном благочестивом пространстве. Грех немецкого общества обнаруживал себя в бегстве от ответственности. Бонхёффер видит, что эта вина падает и на него, и решается принять вызов. Речь шла вовсе не о том, чтобы защищать Церковь с помощью силы – наоборот, его более всего беспокоило то, что даже Исповедующая церковь теряла свой авторитет, поскольку более не жертвовала своим существованием для спасения евреев, но вместо этого боролась за свои финансовые интересы и официальный статус, – речь шла о том, чтобы принять, наконец, свою гражданскую ответственность, ответственность немца, принять на себя на том месте, куда поставил его Бог по рождению и талантам. Никогда ему не приходило в голову изменить своей позиции.

Во время поездки с докладами в 1939 г. в Америку друзья делали ему заманчивые пред-

ложения не возвращаться в Германию. Его экуменический дух, его интуиция подсказывали ему этот путь. Но вместо этого он садится на один из последних кораблей, чтобы вернуться почти на верную гибель. В своем дневнике он пишет: «Я не понимаю, почему я здесь ... Краткая молитва, в которой мы поминаем немецких братьев, жестоко мучает меня... Если тучи начнут сгущаться, я определенно поеду в Германию... На случай войны я не хочу быть здесь...» – и через несколько дней: «С тех пор, как я на корабле, мой внутренний раздор прекратился».

Годы спустя, в заключении, он писал: «Ты должен знать, что я ни на мгновение не жалел о моем возвращении в 1939 г. и ни о чем из того, что последовало затем. Это было сделано совершенно сознательно и с чистой совестью. То, что я сижу здесь, я тоже считаю участием в судьбе Германии, на которое я решился тогда»*.

Теперь началась жизнь между поручениями Исповедующей церкви и участием в движении Сопротивления, инспекциями, заграничными поездками и богословской работой над задуманной «Этикой», которую он считал главным трудом своей жизни, – она была напечатана лишь после его смерти и в виде фрагментов в 1949 г.

* Письмо от 22 декабря 1943 года.

Самой трудной и беспокойной была поездка в Стокгольм в 1942 г. на встречу с епископом Чичестерским, которого он информировал о Сопротивлении и о том, какие круги и какие люди стоят за возможным переворотом. С одной стороны, церковная работа в условиях жестких ограничений и запрета читать лекции, публиковаться и останавливаться в Берлине, – с другой, рискованные оформления паспортов и выездных документов, на законном основании доступных лишь привилегированным лицам. Бывали и удивительные примеры помощи и доверия. Целые главы «Этики» создавались в гостеприимном бенедиктинском аббатстве в Эттале, другие – в летнем имении госпожи фон Клейст в померанском Кляйнкроссине.

Но вот время пришло. Ясным апрельским утром 1943 г. нам сообщили по телефону, что Ганс фон Донаньи арестован в своем служебном кабинете. Комнату Дитриха еще можно было привести в такое состояние, чтобы представить все в довольно невинном свете. Появилась ожидаемая машина... С 5 апреля 1943 до 8 октября 1944 гг. Бонхёффер провел в военной тюрьме Тегель. Вскоре охранники почувствовали, что слова этого пастора глубоко искренни и способны помогать другим. Они тайком переправляли его в камеры к заключенным, которые были близ-

ки к отчаянию. Они брали на хранение его рукописи: прозу и стихотворения, богословские работы. Они создали целую курьерскую службу для связи с семьей и с друзьями. Он пережил тюрьму, не утратив живейшей восприимчивости ко всем впечатлениям, к смене времен года, ковровым бомбардировкам и напряженной атмосфере допросов, но родным и друзьям на свободе он писал: «Принимайте с радостью все, с чем встречаетесь».

Он размышляет о милости участвовать в Христовом «бытии за других» в их страданиях и ведет с оставшимися на свободе друзьями разговор о прекрасной посюсторонности XIX века. Пастор заключенных, он отнюдь не пытается выстроить иной благочестивый мир рядом с этим, безбожным. И чудовищное потрясение при известии о неудаче 20 июля* производит в нем переворот в понимании ответственности за общество, который дает ему силы с новой непреклонной решимостью выносить все то, что последовало затем.

С находкой на Цоссенерштрассе (обнаружением Гестапо документации членов Сопротивления из окружения Канариса, Остера, фон Донаньи) в сентябре 1945 начался последний от-

* Неудача покушения на Гитлера и провал заговора.

резок жизни Бонхёффера: Принц-Альбрехтштрассе, Бухенвальд, Шёнберг и Флоссенбург. Все контакты с волей были прекращены. Гестапо отказывалось предоставлять какие-либо сведения о подследственных. Последние недели своей жизни Бонхёффер провел с людьми из разных стран: русскими, англичанами, французами, итальянцами и немцами. Пэйн Бест, английский офицер, пишет в своей книге «Инцидент в Венло» (*The Venlo Incident*): «Казалось, Бонхёффер всегда распространял вокруг себя атмосферу радости к мельчайшим событиям каждого дня и глубочайшей благодарности за самые простые вещи, – атмосферу счастья одним лишь тем, что живет... Он был одним из тех, очень немногих из когда-либо встречавшихся мне людей, для которых Бог был всегда близок и реален...» Втиснутых в фургон с газогенераторным мотором, их везли от лагеря к лагерю вместе с отступавшей линией фронта, от неизвестности к неизвестности.

П. Бест: «В воскресенье 8 апреля 1945 года пастор Бонхёффер провел краткую службу, и слова его проповеди достигали сердца каждого из нас. Он находил именно те слова, которые точнее всего выражали дух нашей неволи, те мысли и решения, которые она в нас рождала. Не успел он закончить последнюю молитву, как

дверь открылась и вошли двое в штатском: «Заключенный Бонхёффер, следуйте за нами!» Это «следуйте» для всех заключенных могло значить только одно: эшафот. Мы попрощались с ним. Отозвав меня в сторону, он сказал мне: «Это конец, а для меня – начало жизни»... На следующий день он был повешен в лагере Флоссенбург».

Это случилось в школьном классе в баварском лесу под Шёнбергом, в лесу Штифтера, чьи книги он так любил. Чтение этого дня, на которое он говорил проповедь, было «Ранами Его мы исцелились»*. Граждане враждующих стран и члены некогда враждовавших конфессий стали его братьями, которые были рядом с ним в самом конце пути.

Дитрих Бонхёффер обронил как-то, что никогда не будет старым. Его поколению не суждено было до конца выносить в себе труд всей жизни и привести его к завершению. Преждевременный обрыв, однако, придал его свидетельству такую невероятную силу, что кажется, будто и сам этот обрыв был запланированным. Свидетельство Дитриха Бонхёффера началось как стремление показать своей жизнью и своим словом, что значит быть со Христом; оно закончилось как урок того, что значит: Христос – с нами.

* Ис 53:5.

В письме от 21 февраля 1944 г. он писал: «Все зависит от того, сквозит ли во фрагменте нашей жизни, как устраивалось и задумывалось целое, и из какого материала это целое состоит. В конце концов, бывают ведь такие фрагменты, место которым только в мусорной куче, и такие, которые не теряют своего значения и столетия спустя, ибо завершить их под силу только Богу; такие фрагменты, которые и должны быть фрагментами, – мне в голову приходит, например, «Искусство фуги»*. Если наша жизнь хотя бы слабый отблеск такого фрагмента, в котором по крайней мере краткое время звучат в унисон разнообразные громоздящиеся друг на друга темы и от начала и до конца выдержан могучий контрапункт, так что в итоге, когда мелодия оборвется, может зазвучать только хорал «Вот, я приступаю к трону Твоему», – если так, тогда нам впору не стыдиться фрагментарности нашей жизни, а радоваться ей».

Эберхард Бетге (1909 – 2000)

---

* Последнее незаконченное сочинение И.-С.Баха.

Мартин Лютер

Предисловие к Псалтири

1528 г.

Многие из святых отцов хвалили Псалтирь и любили ее более других книг Писания: воистину дело само славит своего создателя. Но и мы должны относиться к нему с хвалой и благодарением.

В последние годы распространилось много легенд о святых и мучениках, книжки, описывающие их жизнь и историю, наполнили мир. А Псалтирь лежала под лавкой, в забвении, и ни один псалом не был в полной мере раскрыт и понят. И все же эта книга источала такое прекрасное благородное благоухание, что все благочестивые сердца чувствовали благоговение и силу, пусть даже не вполне понятных слов, и любили книжицу за это.

Я же считаю, что на земле не было и не будет книги, повествующей об истории и святой жизни, более прекрасной, чем Псалтирь. И если бы кто-то вознамерился собрать в одном издании все лучшие примеры, предания и истории, то неизбежно получилась бы нынешняя Псалтирь.

Ибо здесь мы находим не только повествование о деяниях одного или нескольких святых, а рассказ о свершениях Главы всех святых. Как относиться к Богу, друзьям и врагам, как устоять и смириться, преодолевать всякую опасность. Более того, в ней заключено все божественное целительное учение и все заповеди.

Псалтирь должна быть дорога и близка уже тем, что ясно предвозвещает смерть и воскресение Христа и представляет Его Царство, раскрывает смысл и сущность всего христианства. Ее вполне можно назвать малой Библией, в которой самым красивым и лаконичным образом охвачено все, что содержит Библия, что уготовано и свершено прекраснейшим энхиридионом, или руководством для жизни. Мне кажется, Сам Святой Дух взял на Себя этот труд – собрать краткую Библию в книжицу примеров из жизни многих христиан, святых, чтобы тот, кто не может прочитать всю Библию, все же получил в этой книге почти всю мудрость Слова Божьего.

У Псалтири есть еще одно благородное достоинство. В других книгах много говорится о делах святых людей, тогда как их собственный голос не звучит. Но именно этим изобилует Псалтирь, в этом ее аромат и сладость. Она не только рассказывает о деяниях святых, но и передает их слова, показывает, как они говори-

ли с Богом и молились. Поэтому другие книги, если сравнивать их с Псалтирью, представляют нам онемевших святых, а Псалтирь изображает их настоящими и живыми.

Немой человек в сравнении с говорящим – как получеловек. Нет у людей более сильного и благородного дела, чем говорить, тем более что именно способность говорить отличает человека от других животных, даже в большей степени, чем внешность или другие деяния. Ведь и дерево может обрести человеческое обличье, благодаря искусству резчика. И животное наделено, подобно человеку, способностью видеть, слышать, обонять, петь, ходить, стоять, есть, пить, поститься, жаждать, терпеть голод, мороз и жесткое ложе.

Псалтирь идет еще дальше, изображая не обыденную речь святых, а слова, с которыми в благоговении они обращались к самому Богу. Это не только открывает нам величие их дел, но и сокровенную глубину души, чтобы мы могли заглянуть в источник их слов и свершений, прониклись их устремлениями и чаяниями, помогавшими устоять во всяком деле, среди опасностей бед.

На это не способны жизнеописания, славящие лишь дела святых и их чудеса. Я не могу узнать, чем исполнены их сердца, сколько бы

прекрасных историй об их славных делах мне ни рассказали.

Для меня важнее услышать, что говорит святой, чем увидеть его дела, как важнее увидеть его сердце и сокровища души, чем услышать его слово. Псалтирь дает нам в великом изобилии свидетельства того, чем исполнено сердце святых, как звучали их слова, обращенные к Богу и людям. Ибо человеческое сердце – как корабль в бушующем море, гонимый штормами со всех сторон. С одной стороны врываются страх и забота о будущем, с другой – одолевают скорбь и уныние от нынешних бед. С третьей стороны подбираются мечтания и надменность о грядущем счастье, с четвертой – подкрадывается уверенность и успокоенность нынешним благом.

Но такой шторм учит серьезному отношению к слову, открывает сердца, сокровенные глубины. Ибо увязнувший в страхе и беде говорит о несчастье иначе, чем парящий в радости. А парящий в радости говорит и поет о радостях иначе, чем испытывающий страх. Когда скорбящий должен смеяться или радующийся плакать, говорят: «не получается от сердца». Это значит, глубина сердца не раскрыта и не изменилась.

Чем переполнена Псалтирь, если не строгими и высокими словами людей, переживающих такие шторма? Где можно найти более прекрас-

ные слова о радости, чем в хвалебных и благодарственных псалмах? Там ты созерцаешь сердца всех святых, как изящные сады, более того, как рай, где взошли прекрасные, радующие сердце цветы радостных мыслей, восходящих к Богу и рассказывающих о Его благодеяниях.

Где найти более глубокие, сострадательные и печальные слова скорби, чем в псалмах плача? Там ты смотришь в сердца всех святых, как в смерть, более того, как в ад. Какая там мгла и тьма от скорбного созерцания гнева Божьего! Когда они говорят о страхе и надежде, то используют такие слова, что никакой живописец не мог бы изобразить страх или надежду с такой силой, и никакой Цицерон не мог бы их так описать.

Но самое главное – это то, что их слова, обращенные к Богу, и произнесены с Богом, а значит, они вдвойне исполнены значения и животворящей силы. Когда слова обращены к людям, они не так сильно исторгнуты сердцем, не так горят и живут. Именно поэтому Псалтирь – книга всех святых, и всякий, каково бы ни было его положение, найдет в ней псалмы и слова, созвучные его состоянию, будто ради него они и были произнесены, и сам он не мог бы сказать и выразить лучше.

Примечательно, что, находя слова, созвучные его состоянию, человек обретает уверен-

ность в общении святых, понимает, что они испытывали похожие чувства, поскольку все они поют одну песнь. Это тем более верно, когда он говорит с Богом, как это делали они, и совершает это в вере, ибо безбожному человеку псалмы не по вкусу.

И наконец, в Псалтири содержится заступничество и водительство, и можно без опаски следовать за всеми святыми. Другие жития и легенды о немых святых повествуют о различных делах, которым невозможно подражать, более того, порой даже опасно подражать, поскольку они приводят к разделению и возмущению, отрывая от общения святых. Но Псалтирь держит тебя в стороне от возмутителей, но близко к святому общению, ибо она учит в радостях, страхе, надежде и скорби мыслить и говорить так, как мыслили и говорили все святые.

Таким образом – если ты хочешь увидеть святые христианские церкви, написанные живыми красками и заключенные в одну малую картину, тогда бери Псалтирь, и у тебя будет прекрасное, ясное, чистое зеркало, которое покажет тебе, что такое христианский мир. В нем ты найдешь и познаешь не только себя, но Самого Бога и все творение.

Так будем благодарить Бога за такие неописуемые дары, принимать, использовать и воп-

лощать их с прилежанием и серьезностью, во славу Божью, чтобы не заслужить худшего своей неблагодарностью. Ибо ранее, во времена тьмы, за сокровище почитали бы способность человека верно понимать псалом и читать или слушать его на понятном языке, но это не было доступно всем. Теперь же блаженны глаза, видящие то, что мы видим, и блаженны уши, слышащие то, что мы слышим. И потому бодрствуйте, чтобы не уподобиться иудеям в пустыне, которые говорили о небесном хлебе: «...душе нашей опротивела эта негодная пища»*. Мы должны помнить, что там написано об их мучениях и смерти, чтобы избежать этого.

В этом да поможет нам Отец всей благодати и милосердия, через Иисуса Христа, Господа нашего, Которому да будет хвала и благодарение, слава и честь за эту немецкую Псалтирь и за все Его бесчисленные неописуемые благодеяния во веки веков. Аминь.

* Числ 21:5.

О ДУШЕПОПЕЧЕНИИ

нелегальные лекции в Финкенвальде
1935 – 1937

Предисловие

«Грандиозный маскарад зла смешал все этические понятия. То, что зло является под видом света, благодеяния, исторической необходимости, социальной справедливости, вконец запутывает тех, кто исходит из унаследованного комплекса этических понятий; для христианина же, опирающегося на Библию, это подтверждает бесконечное коварство зла»*.

Интересное замечание, не так ли? Как будто это написано вчера, а не шестьдесят лет назад; ведь эти слова своевременны и уместны сегодня, как никогда раньше. Значит, сказаны они или пророком, или исследователем, проникшим вглубь природы человека: непостоянного в своих этических правилах и раздираемого противоречиями. Мы научились изощренно оперировать понятиями «добра» и «зла», «справедливости» и «целесообразности» так, будто нашей собственной вины в том, как мы живем и доби-

---

Д. Бонхёффер. Сопротивление и покорность. — М.: «Прогресс». 1994. С. 27.

ваемся своего, и нет вовсе. Проникая все глубже в тайны Вселенной и всего мироздания, постигая самую суть жизни, мы обесцениваем ее своим же безразличием к ближнему. «Убив» Бога в своем сердце, мы пытаемся заполнить Его место разумом, совестью, чувством долга, свободой и порядочностью. В итоге мы спокойно смотрим вечерние новости и не обращаем никакого внимания на сообщения о гибели десятков человек, правда, пока еще немного ужасаемся смерти нескольких десятков тысяч. Мы давно поняли, что такие понятия, как «нравственность», «этические ценности», «добродетель», не имеют никакого абсолютного значения, пусть о них рассуждают те, кому в жизни больше делать нечего, ведь у нас нет времени, которое можно было бы потратить на бестолковые сказки о вечности и духовности, наши ценности – удовольствие, собственная выгода, свобода от всего и от всех. «Буду делать то, что хочу» – вот наш принцип, хотя ведь у нас и принципов никаких нет.

Того, кто призывает «следовать Христу», считают, по меньшей мере, недалеким человеком, а скорее, религиозным фанатиком. Если вы вдруг заговорите о поклонении Богу, то рискуете прослыть ханжой или человеком с рабским мышлением. «Ваше христианство воспитывает рабскую психологию», – любит повторять один

мой знакомый. Быть реальным христианином сегодня не менее рискованно, чем десятилетия и столетия назад... Скажу даже больше: быть человеком, ведомым верой во Христа, исповедующим Божью любовь и прощение, в наше странное время попросту опасно.

Но при всем желании и истовом стремлении мира вытеснить из себя веру и христовых людей, при всей ревностности, с которой утверждаются гуманистические ценности и абсолюты «человеческого счастья и благополучия», «процветания», «успеха», «прав человека» и «свободы от всего и вся» (в первую очередь, разумеется, от Бога и от всем ненавистной религиозности), вера Христова продолжает стоять и напоминать о Божьей любви и прощении, обращенных к каждому живущему на планете.

«Кто устоит? Не тот, чья последняя инстанция – рассудок, принципы, совесть, свобода и порядочность, а тот, кто готов всем этим пожертвовать, когда он, сохраняя веру и опираясь только на связь с Богом, призывается к делу с послушанием и ответственностью; тот, кому присуща ответственность, и чья жизнь – ответ на вопрос и зов Бога. Где они, эти люди?»*

Вне всякого сомнения, Дитрих Бонхёффер, богослов, пастор и борец, был таким человеком,

* Там же, с. 29.

4-3641

чья жизнь – «ответ на вопрос и зов Бога». Его вера не была пассивно-созерцательной, она вела его в жизни, он действовал исходя именно из нее, он вполне осознавал всю свою ответственность, не отрекся от нее и заплатил за нее своей жизнью. Это не громкие слова. Всю его жизнь можно охарактеризовать короткой фразой – «раб Христов».

Родился Дитрих Бонхёффер 4 февраля 1906 г. в Бреслау (нынешнем Вроцлаве). У него было семеро братьев и сестер, сам он был шестым по счету. Отец Карл Бонхёффер – уважаемый человек, известный врач-невропатолог. Окончив гимназию, Дитрих решил изучать богословие, чем сильно удивил своих домашних, ведь семья считала себя не особо религиозной. Сначала Дитрих учился в Тюбингене и Риме, а затем в Берлинском университете. Он был на лекциях знаменитых Адольфа Гарнака, Карла Холля и Рейнхольда Зееберга. Будучи одаренным человеком и студентом, Дитрих уже в возрасте 21 года защитил диплом по церковной социологии (Sanctorum Communio), а спустя всего лишь два года защитил докторскую: «Действие и бытие. Трансцендентальная философия и онтология в систематическом богословии» (Akt und Sein). Став пастором в 1932 г., Дитрих начал препода-

вать систематическое богословие в Берлинском университете, параллельно участвуя в деятельности экуменического движения, много публиковался, писал книги.

Когда Гитлер пришел к власти и официальная церковь поддержала нацистскую идеологию, Бонхёффер не стал молчать. Он начал выступать с решительными протестами против парадоксально-абсурдной нацистской философии, при его участии была создана Исповедующая церковь Германии, в нее вошли те церкви и служители, которые не могли принять антихристианского учения церкви, присягнувшей на верность фюреру. Дитрих вел весьма активную деятельность в Исповедующей церкви, расплата не заставила долго себя ждать. В 1936 г. он лишился права преподавать в Берлинском университете, впоследствии был и вовсе уволен.

В апреле 1935 г. Бонхёфферу предложили взять на себя руководство новой небольшой семинарией для служителей Исповедующей церкви в Финкенвальде (Померания). Приглашение было принято. В семинарии он создал своего рода общину «Братский дом» (Bruderhaus). В октябре 1937 г. власти запретили деятельность семинарии и связанной с ней общины. Однако Бонхёффер продолжал обучать служителей тайно; несколько раз в неделю он преподавал в до-

мах разных священников в отдаленной сельской местности. Чтобы избежать излишнего внимания со стороны полиции, он стал приходским священником, но своего дома у него не было. Именно в этот период времени, когда Дитрих Бонхёффер скитался и тайно преподавал, с его слов и были записаны «Лекции о душепопечении», которые изданы в этой книжке. Это конспекты его студентов.

Бонхёфферу не раз удавалось выезжать за пределы германской границы, он несколько раз мог принять решение об эмиграции, но не сделал этого. Даже позднее, будучи в Америке, он не поддался на уговоры друзей остаться там и переждать все ужасы, творившиеся в Европе, и вернулся в Германию, несмотря на неминуемую опасность ареста, ведь он был участником движения политического сопротивления у себя дома. По подозрению в участии в заговоре против Гитлера Дитрих Бонхёффер был арестован 5 апреля 1943 г. В тюрьме он просидел два года. За несколько недель до капитуляции Германии, 9 апреля 1945 г., он был повешен в концлагере Флоссенбург. Бонхёффер был в списке тех, кто ни при каких условиях не должен был остаться в живых. Всего лишь через несколько дней после его казни лагерь Флоссенбург был освобожден. До победы оставался всего лишь месяц...

«Смерть – величайший праздник на пути к свободе». Это его слова. О неминуемом приближении скорой смерти он знал. «Это конец, а для меня – начало жизни»,– это все, что он успел сказать перед отправкой в концлагерь Флоссенбург. «Лагерный врач застал Бонхёффера в камере смертников на коленях. Он с жаром молился»*.

— — —

Личность Бонхёффера – одна из самых интригующих в богословском мире двадцатого столетия. Он стоит в одном ряду с Бартом, Бультманном, Тиллихом и другими. Но именно его работы и идеи – самые странные и противоречивые из них всех. Возможно, потому, что он многого не успел высказать, написать, продумать. Ведь он погиб молодым, а мог сделать, разумеется, больше. Но в истории нет сослагательного наклонения, поэтому нам остается многое додумать за него. Но в этом-то и дело! Для многих богословов и мыслителей идеи и намеки Бонхёффера стали отправной точкой, импульсом для собственных рассуждений.

Именно по этой причине нам нельзя делать далеко идущих выводов из его богословия. Взять хотя бы письма Бонхёффера из тюрьмы (сбор-

* Э. Бетге. Последние дни // Д. Бонхёффер. Сопротивление и покорность. — М.: «Прогресс», 1994. С. 311– 313.

ник «Сопротивление и покорность»), в которых он излагал свои мысли по поводу современной ситуации христианства и религии в современном мире вообще. Такие знаменитые фразы как: «безрелигиозное христианство», «совершеннолетний мир», «нерелигиозный язык», «человек для других» и прочее, – вообще могут повергнуть в ужас любого неподготовленного читателя, стоящего на позициях консервативного богословия. Некоторые говорили и продолжают утверждать, что таким образом Бонхёффер был готов лишить Евангелие его сути, подорвать основы Церкви и извратить христианскую веру до неузнаваемости. В самом деле, ну как можно лишить христианскую веру «религиозной составляющей», не отказавшись от ее сути – спасения души? Как ни странно, многие «либеральные» богословы называли Бонхёффера «своим», но и многие сторонники «традиционного» христианского богословия тоже не отказываются от своих претензий на него. Суть вопроса здесь в том, что богословские изыскания Бонхёффера актуальны для современной церкви и человека. Самый главный вопрос для современного христианства и христиан Бонхёффер поставил, отвечать же на него предстоит каждому – богослову, Церкви, прихожанину и просто человеку. В формулировке самого Дитриха Бонхёф-

фера этот вопрос звучит так: «Меня постоянно волнует вопрос о том, чем является для нас сегодня христианство и кем – Христос?»

Совершенно точно можно сказать, что для Бонхёффера христианство – это встреча с Иисусом Христом. Дальше – только намеки и общие фразы, которые, впрочем, могут подсказать направление поиска ответа: «Кто есть Бог? Не в первую очередь универсальная вера в Бога, во всемогущество Бога и т.п. /.../ Встреча с Иисусом Христом. Опыт того, что здесь задано обращение всего человеческого существования в том, что Иисус "существует только для других". /.../ Только из свободы от себя самого, из "существования для других" вплоть до смерти вырастает всемогущество, всеведение, вездеприсутствие. Вера есть причастность к этому бытию Иисуса (вочеловечение, крест, воскресение). /.../ Не бесконечные, невыполнимые задачи, но ближний, причем всякий раз тот, кто рядом, это и есть трансцендентность. /.../ Церковь только тогда является церковью, когда это церковь для других»*. Чуть ниже сам Бонхёффер подводит итог своим мыслям: «Все это изложено в очень сыром виде и чересчур общо. Но мне важно попытаться высказать просто и ясно некоторые вещи, ко-

* Д. Бонхёффер. Сопротивление и покорность, с. 282 – 284.

торых мы охотно избегаем. Удастся ли эта попытка – другой вопрос, в особенности без обсуждения. Я надеюсь послужить этой работой делу церкви и ее будущему»*. Ведь он прекрасно осознавал, что в современную ему эпоху религия и церковь вытесняются на границы и пределы жизни, религиозность в жизни человека и его повседневности играет все меньшую роль. С таким положением вещей Бонхёффер смириться не мог, и мы сегодня не должны. Отсюда и очевидная, но бесконечно глубокая мысль, которую он выдвинул как тезис: «Бог посреди нашей жизни, в самом ее средоточии».

Нужно всегда иметь в виду, что богословие Бонхёффера никогда не было оторванным от практики жизни Церкви. На самом деле, думается, можно даже утверждать, что его богословие в основе своей *происходило* из жизни и практики Церкви. В этом смысле можно сказать, что Бонхёффер – пастор и служитель Церкви в первую очередь, а уже потом – богослов и философ. Основная предпосылка его богословия и практики жизни Церкви состоит в том, что Церковь – это *реальное* Тело Христа, то есть та *форма*, в которой Бог *существует* на земле и являет Себя этому миру. Именно поэтому на Церкви

* Там же, с. 285.

как общине лежит огромная ответственность, ведь она – не общение «душ», не кафедра, не провозглашение Евангелия, она – реальное Тело Христа на земле. Это видно в одной из самых важных работ Бонхёффера – «Следуя Христу». Вера истинна только в сосредоточенном следовании Христу. Именно на этом фундаменте базируется один из очень важных тезисов «Лекций о душепопечении»: человек не может быть по-настоящему верующим вне общины, вне Церкви, потому что она – тело Христа. В ней Христос среди «своих», а «свои» – полностью в Нем. Жизнь верующего полностью зависит от Него, она полностью посвящена Ему и немыслима вне Его. Это именно то, что можно назвать «абсолютной христоцентричностью», которая свойственна и богословию, и пасторской практике (жизни Церкви) Бонхёффера. Его тезис: Христос – единственная основа и смысл жизни веры. Практический вывод, который очевиден уже в первых словах «Лекций о душепопечении»: задача и цель душепопечения не в том, чтобы помочь человеку в его «переживаниях», выслушать его и посочувствовать, выражаясь словами самого Бонхёффера: «не в достижении каких-либо психологических или душевных состояний». Единственная задача душепопечения – показать человеку, в чем он по-настояще-

му нуждается – в *покаянии*, чтобы затем привести его к исповеданию, указав на Бога как единственный источник утешения и силы. Таким образом, душепопечение как практика призвано указывать человеку на путь следования Христу и помогать ему в дороге. Центр веры и жизни – Христос. Средоточие богословия как рационального осмысления веры – Он же, ничто другое и никто другой. В этом смысле у Бонхёффера мы находим гармонию: практика церковной жизни и богословие неразрывно связаны и сосредоточены на одном. Задача того и другого – полное послушание Христу.

На русском языке издано очень мало работ Бонхёффера, поэтому каждый новый перевод ценен и важен. «Лекции о душепопечении» – очень короткая работа, которая была написана не Бонхёффером непосредственно, но от этого ее ценность только возрастает. Кстати, название «Лекции...» говорит само за себя. Это компиляция записей студентов Бонхёффера его лекций. Именно поэтому, видится, читать их несколько тяжелее, чем обычное цельное произведение. Хотя книжка по объему достаточно мала и возникает впечатление, что ее можно прочитать за 2 часа, ее нужно изучать не день и не два. Это отличное пособие по душепопечению, которое го-

ворит именно о сути этого служения, без которого Церковь обречена на постепенное разрушение. Все, что написано, очень актуально и для сегодняшней ситуации и современных церквей.

Дело в том (как это ни печально), что во многих церквях России именно душепопечение per se* находится на достаточно низком уровне, будучи зачастую сведено к психологической помощи члену общины, когда ему «плохо», «трудно», когда жизненная ситуация осложнилась. И практически забыто, что служение душепопечения сущностно важно для духовного возрастания каждого верующего внутри общины. Это не служение «от случая к случаю», оно не возникает откуда ни возьмись в случае крайней необходимости. Душепопечение – рутинная ежедневная работа пастыря (духовного воспитателя, духовника), каждый в этом служении крайне нуждается, в том числе и сам пастырь.

Книга Бонхёффера возвращает нас к сущностным основам этого служения, затрагивая его глубинные пласты. Первая реакция при прочтении книги: «Очень трудно». Очень трудно быть настоящим душепопечителем, очень трудно вести это служение правильно, очень трудно быть «душеопекаемым», но крайне необходимо. «Ду-

---

* Само по себе *(лат)*.

шепопечение дано пастору для проповеди Евангелия. /.../ его основой является Слово. /.../ Цель в том, чтобы люди верили в Бога. /.../ в душепопечении только Бог может быть утешением, силой и помощью. Следовательно, целью является *не достижение* каких-либо *душевных состояний*. Цель – Христос, проповедуемый Один во всем»*, – это основа душепопечения. Его задачей не может быть успокоение человека, психологическая помощь и т.д. Цель, – говорит Бонхёффер, – указать человеку на его *грех* и привести его к *исповеданию*. Таким образом, Бонхёффер возвращает нас на библейский путь и евангельский подход в проповеди Благой Вести. Именно об этом должен помнить служитель сначала и до самого конца. Признаться, такого библейского радикализма и абсолютно евангельского подхода в душепопечении сегодня не хватает более всего. Такая крайняя христоцентричность поначалу вызывает даже удивление, но потом понимаешь, что только это и может называться настоящим душепопечением, все остальное Бонхёффер называет *опиумом*, и совершенно оправданно.

Книга рекомендуется для медленного вдумчивого прочтения. Она обращена не только к

См. настоящее издание, с. 110.

профессиональным служителям; напротив, каждый мирянин может увидеть в этой книге обращение к себе самому – она обличает читателя и заставляет его приблизиться к свету, ко Христу, вскрывает самообман, в котором мы все пребываем в той или иной степени, выводит из состояния умиротворенного безразличия к себе и окружающим.

Также работа рекомендуется к внимательному изучению в богословских вузах и школах в качестве обязательной литературы по курсу «Душепопечение». В книге можно условно выделить два сущностных раздела: «теория» душепопечения и конкретная «методология» осуществления его на практике. Эта информация бесценна, ее вполне можно рассматривать как незаменимое методическое пособие и настольную книгу пастора.

Дмитрий Ватуля, магистр богословия
Москва, июнь 2005

I

Задачи душепопечения

Душепопечение как проповедническое служение. Душепопечение дано пастору для проповеди Евангелия. Душепопечение и проповедь тождественны лишь настолько, насколько в душепопечении звучит слово Христа. И лишь в этом случае в нем есть обетование. Душепопечение есть проповедь одному человеку. Таким образом, его основой является *Слово*. Духовник занимает то же место по отношению к члену общины, что проповедник к слушателю. Следовательно, душепопечение – это проповедническое служение. Подобное понимание отличается от «нравственного» понимания душепопечения, целью которого является постепенное воспитание христианского образа в человеке[1].

Цель проповеди не в том, чтобы сделать из грустных людей радостных и из боязливых – смелых. Это приложится само[2]. Цель в том, чтобы люди верили в Бога. В проповеди должен быть провозглашаем только Бог. Столь же верно и то, что и в душепопечении только Бог мо-

жет быть утешением, силой и помощью. Следовательно, целью является *не достижение* каких-либо *душевных состояний*. Цель – Христос, проповедуемый Один во всем. Над болезнью, рождением, смертью, грешником провозглашается Христос и Его победа. Если душепопечение не стремится устранять ложную помощь и ложное утешение, исходящее не от Бога, оно удаляется от своей задачи. Душепопечение есть проповедь Бога как единственного утешения, единственной помощи конкретному человеку.

Душепопечение как диакония. Необходимо выделить еще одну задачу душепопечения – diakonia*. Она непосредственно связана с проповедническим служением, но все же не тождественна проповеди. Каждая проповедь, рано или поздно, сталкивается с трудностью: иногда Слово Евангелия не только не принимается отдельным человеком, но и вызывает в нем ожесточение. Именно из этой проблемы рождается *душепопечение как диакония*. Ее задача – сломить ожесточение в той мере, в какой этого хочет Бог[3]. Подобное служение составляет суть душепопечения в узком смысле. Оно состоит уже не в акте провозглашения, а в акте служения люб-

* От греч. διακονία – служение.

ви, желающей привести к принятию этого провозглашения. Следовательно, душепопечение, в отличие от проповеди, идет не «сверху вниз», от провозглашающего пастора к слушающему члену церкви, а наоборот, от говорящего члена общины к слушающему пастору. Оно, в качестве диаконии, создается молчаливой, поддерживающей любовью. Здесь требуется молчание.

Против этого утверждения есть принципиальное *возражение*: «Проповедь может быть услышана лишь тогда, когда я проповедую снова и снова, потому что только через нее дается Святой Дух. Поэтому душепопечение – это лишь повторение Слова проповеди. И ничего кроме этого. Проповедь же абсолютно самодостаточна, в противном случае провозглашение не принимается всерьез. Только через Слово приходит Святой Дух, творящий веру».

На это возражение можно ответить следующим образом:

Верно то, что Святой Дух приходит только через проповедь. Но проповеди противостоит грех человека, ведущий к ожесточению. Верно также то, что только Святой Дух может сломить грех и ожесточение. Но грех – это что-то конкретное, и он должен быть назван своим именем. Только названный своим именем бес выходит из человека[4]. Проповедь благодати не может быть услыша-

на верным образом там, где человек еще живет в ожесточающем, неосознанном грехе. Таким образом, проповедь становится опиумом[5], который не ведет к истинному утешению совести. В отпущение грехов не верят, и снова и снова прорывается старая неутешенная совесть. Существует бесчисленное множество христиан, *которые уже не способны принимать проповедь иначе, чем в качестве временно успокаивающего опиума, и не знают, что это есть ожесточение!*

Так человек ожесточается снова и снова, и проповедь только подтверждает ожесточение, поскольку не может назвать грех по имени и сломать его власть; именно для этого необходимо говорение слушающего – здесь на помощь проповеди приходит душепопечение как диакония.

Этот процесс включает два момента: 1) говорение человека, призванного проповедью к слушанию; 2) раскрытие, название и снятие власти того греха, которым слушающий ожесточается против благодатной воли Бога. Эти задачи невозможно выполнить одной лишь проповедью, поэтому душепопечение занимает свое место рядом с проповедью, не только подтверждая сказанное в проповеди, но и имея собственную задачу sui generis*.

* Особого рода *(лат.)*.

Данное понимание душепопечения в равной мере применимо как к работе с теми, кто сознает себя грешником, больным, искушаемым, так и со всяким здоровым человеком. Душепопечение исходит из проповеди, из необходимости снятия возможного ожесточения, вызываемого проповедью, и приводит обратно к проповеди.

Душепопечение как пастырство. Душепопечение – задача, в первую очередь, пастырская. Именно пастор является проповедником, следовательно, он должен уметь разрешать проблему, могущую возникнуть из проповеди. Но поскольку душепопечение есть диакония, оно должно быть вверено общине (ср. старейшины в реформатских общинах)[6]. Оно дано общине как дар и задание для всех верующих – носителей всеобщего священства.

Педагогический характер душепопечения. Душепопечение продолжает работу проповеди исходя из нее, располагая человека к ее принятию и направляя его к ней. Тем не менее в своей педагогической направленности оно не служит какой-либо иной цели, кроме проповеди. Душепопечение не должно стремиться к достижению определенного душевного состояния. Оно не имеет никакой заранее поставленной цели, кро-

ме одной: слушать человека. Однако и эта цель не ставит своей задачей ни формирование характера, ни воспитание определенного типа человека, но лишь выявление человеческой греховности и воспитание открытости к слушанию Слова Божьего, исходя из ясного понимания конкретной обстановки и *полноты богатства библейских утешений*. Ведь наше знание библейских утешений скудно!

II

Закон и Евангелие в душепопечении

Диаконическое душепопечение служит душепопечению проповедующему. Оно должно привести к слушанию Закона и Евангелия. Оба в равной мере относятся к проповедующему душепопечению.

Типичный случай в душепопечительской работе – человек, уже не способный слышать проповедь с верой, но считающий, что ему нужна помощь. Он сознательно или неосознанно убегает от слова проповеди, даже если еще участвует в богослужениях. Причина этого – нежелание *безоговорочно отдать себя* Слову Божьему. Он думает, что может держать какую-то область своей жизни вне власти Христа. В этом открывается грех, здесь необходимо провозглашать прощение грехов. В ложной вере в прощение грехов человек закрывается именно от истинного слова прощения, которое хочет судить и подчинить его во всех сферах человеческой жизни. Простодушие, с которым человек удерживает хотя бы маленькую часть себя под влас-

тью греха, может легко перейти в сознание беспомощности и неволи, но он понимает свое состояние как беду, а не как грех, что может привести к полному отвращению от проповеди. Это вполне общая ситуация. Человек уклоняется от послушания в каком-либо пункте и становится растерянным или враждебным, во всяком случае, уже не слушает. Например, на одре болезни больной сопротивляется, потому что находится в несогласии с тем, что с ним происходит. Постоянно противящаяся воля не хочет смириться и довериться воле Иисуса; из этого следует все большее ожесточение, а в дальнейшем либо величайшая растерянность, либо полное отвержение проповеди. Подобная ситуация создается в случаях потери близкого. Правда, этому есть некоторое оправдание – даже Лютер не смог одолеть боль, причиненную ему смертью дочери, не «пророптав три дня», после чего обрел радость и одолел смерть. Подобные ситуации бывают и в некоторых иных случаях, например, при трудностях в браке[7].

Душепопечитель лучше знает насущные нужды другого, чем тот знает о них сам. За словами человека душепопечитель слышит признание в грехе; он также видит цель душепопечения в том, чтобы говорить другому о его грехе. Он пытается привести ближнего обратно к

проповеди по тому же пути, по которому тот удалился от нее – пути ожесточения через грех. – «Я слышу Слово, но оно мне чуждо». – «Ты не хочешь слышать». – «Нет, хочу». – Пленен ожесточением. – «Почему ты уклоняешься от Слова? Почему хочешь удержать что-то от Бога? Почему отказываешься слушаться? Пока будешь непослушен в одном, ты не можешь верить. Твое препятствие – это твой грех». Служение душепопечения состоит в том, чтобы привести человека от поиска человеческой помощи к поиску Божьей помощи. Ее цель – выявить не проблему, а неверие; ее ответ – не человеческий совет, а заповедь и обетование Божье, новое призвание. Относиться к *вопросу* нуждающегося в помощи человека нужно *менее серьезно*, чем он, но к *спрашивающему* нужно относиться *гораздо серьезнее*, чем он сам, потому что мы узнаём в нем стоящего перед Богом грешника раньше, чем он это выскажет. Это значит, страждущему нужно сказать, что он может быть исцелен Богом, если он отдаст свою волю Богу (а не согласится с моей волей), – это особенно важно в случае потери близкого. Редко можно сказать, что умерший теперь у Христа; собственно, мы можем утешать скорбящего только... ничем. Всякое утешение абсолютно пошлое, пустота не должна быть заполнена ничем, кроме Бога и

веры. Скорбящий должен довольствоваться Богом, Бог должен быть важнее для него, чем образовавшаяся пустота и вопрос о будущем ушедшего. – То же относится и к человеку, плененному пороком. Только в Боге такой человек станет действительно свободным, потому что в плоти (σάρξ*) мы имеем дело не только с плотью, но с самим дьяволом. И только Христос сильнее дьявола. Однако скорбящий или плененный пороком хочет только именно человеческого ободрения, так как любит свое состояние и хочет, чтобы это состояние подтверждали поддерживающим сочувствием. Больной, например, хочет слышать только сострадательные слова, советы и ободрение, потому что они не останавливают грех и дьявола! Человек, ищущий душепопечительскую помощь, готов жадно принимать всякий совет и охотно обсуждать, но будет противиться всякой заповеди. Момент сопротивления непременно должен наступить, если человека *задевает* Слово Божье. Если же он не противится, мы должны относиться к своему ободрению с недоверием**. Душепопечитель обычно даже не может дать ответ на вопрос в той

* Плоть *(греч.)*.

** См. Мф 19:16 – 22 (притча о богатом юноше) и Лк 10:25 – 29 (притча о добром самарянине). Мы видим, что только верующий слушается и только послушный верит.

форме, в которой он был задан. Иногда ответом может служить то, что Бог благ и милостив, и если у спрашивающего есть отношения с Богом, то он получит и ответ на свои нужды или вопрос. Человека, находящегося в плену порока, освобождает не тот или иной совет, но только Бог. Не стоит серьезно рассматривать вопрос «как», поскольку человек, находящийся в беде, по сути, любит свое состояние. Он ждет только совета или ободрения: так ничто не покусится на его грех и неверие. Поэтому он жадно принимает любой совет, но противится Слову Божьему, когда оно вступает в противоречие с его словом, когда совет становится заповедью.

Путь диаконического душепопечения – это путь *от совета к заповеди, от признания в нужде к признанию греха,* от разговора к слушанию обетования Божьего обеими сторонами. К этому следует относиться со всей серьезностью, так как это путь к Слову через братскую помощь. Нельзя миновать его, сразу противопоставляя Заповедь Божью нуждам человека; это только привело бы к дальнейшему ожесточению. Необходимо проходить этот *путь.* При этом нужно знать следующее:

Во-первых: ни одна душепопечительская беседа не обходится без того, чтобы пастор, слушая и говоря, не молил бы постоянно Бога о

присутствии и помощи. Этим он лишь выполняет объективные требования подобной беседы. Путь к пониманию другого человека никогда не может быть непосредственно человеческим. *Люди никогда не встречаются напрямую, а только через молитву и слушание Слова Божьего.* Подхода к другому человеку нет; нет психологии. Причина – в посредническом поступке Христа. Нет непосредственного подхода к Богу. Между мной и Богом, между мной и братом – Христос. Нет прямого психического влияния. Прямое влияние одного человека на другого очень поверхностно. Встреча только через πνεῦμα*. Я не могу обращаться с другим человеком; это делает Христос и сам Бог. Путь одного человека к другому всегда через Христа. Собственная набожность тоже непригодна; единственная печать – χαρακτήρ** или imago*** [8]. Только πνεῦμα гарантирует чистую атмосферу. Кто ищет прямой путь, тот ищет путь человеческих размышлений, советов. Молитва указывает пастору за пределы его даже там, где необходимо давать человеческий совет, – чтобы он знал: советом не кончится.

---

* Дух *(греч).*

** Отпечаток, образ *(греч).*

*** Картина, образ *(лат).*

Во-вторых: душепопечитель никогда не будет подходить к другому человеку в расчетливой и пытливой манере, потому что он, по сути дела, всегда знает о его грехе. В этом состоит отличие душепопечения от всякого рода психотерапии, где все зависит от метода. В душепопечении от метода не зависит ничего! Душепопечитель, рассматривающий нужду как психологическую проблему, предает свое служение. Если его беседа станет психологической беседой, «интересным случаем» (ни в одном из них на самом деле нет ничего нового), то душепопечитель отрекается от своего служения. Душепопечитель в принципе остается допсихологичным, наивным. В психологическом мире царствуют демонические начала вместо чистоты и простоты братской помощи. «Душевный» человек (psychiker) очень опасен для душепопечения. Здесь царит магия, особые силы. И здесь есть изгнание демонов, но через Веельзевула[9] – вместо чистоты, простоты и помощи. «Душевный» привязывает другого к своим магическим силам. Как в психоанализе (комплекс врача; неразрешимая привязанность к врачу!! 2-й анализ для разрешения этих уз). «Душевный» (в христианском сообществе), напористый душепопечитель привязывает другого к собственным силам. Кто говорит из πνεῦμα, любит другого на-

столько, что освобождает его. Если у душепопечителя страстные поклонники, в нем есть что-то от «душевного». Христианский душепопечитель любит другого настолько, что берет на себя опасность стать объектом его страха и ненависти; он указывает ему на молитву и заповедь. Это тем не менее не исключает необходимости аналитических вопросов, однако истинный душепопечитель будет задавать их только для оказания братской помощи.

В-третьих: в то время как отношения между психотерапевтом и больным состоят в том, что второй должен видеть в первом человека, наделенного особыми силами, осознавать его превосходство, отношения между душепопечителем и членом общины состоят исключительно в его диаконическом служении. Душепопечитель принципиально не владеет особыми силами. У него руки так же пусты, как и у получающего помощь. Отношения между ними – отношения просящего брата и брата помогающего, отношения, установленные Самим Богом. Следовательно, если душепопечитель выступает как человек с *особым опытом и особой силой,* это неправильно. Поэтому отношение остается объективным в гораздо большей мере, чем в психотерапии, где много места занимает исследование души (ср. работы швейцарского пастора Пфистера[10]).

С «раскрытием» комплекса еще далеко не сделано то же самое, что с признанием греха! Это объективно совершенно неверно и совсем не касается друг друга; ибо для душепопечителя факты с самого начала ясны. Так же неверно сразу снимать установленную Богом *дистанцию* между душепопечителем и тем, кому он помогает. Есть такой душепопечительский метод – *сразу же исповедовать себя грешником вместе с членом общины, которому требуется помощь*[11]. Однако такой метод есть *уход* от задачи, данной в этот момент душепопечителю! *Задача* его – *помогать человеку.* Может наступить момент, когда уже неизвестно, кто является душепопечителем, а кто – получающим помощь – оба ищут только Бога (ср. у Достоевского[12]). Это также возможность душепопечения, данная Божьей милостью, которая тем не менее не должна стать методом. *Лишь самоотверженная любовь к ближнему создает верную дистанцию и верную близость* – любовь, знающая свою задачу и верная ей. У психотерапевта есть как ложная дистанция, так и ложная близость. Лучшее душепопечение в Послании к Коринфянам: «Любовь всему верит»[13]. Знать о другом только в любви Христа. Это есть освобождение душепопечения от всякого колдовства, психологии и манипуляции[14]. О вопросе взаимной испове-

ди: исповедующийся должен увидеть в течение душепопечения только крест Христа, хотя, естественно, он не должен страдать ни от малейшего фарисейства принимающего; он должен видеть одного Христа. С другой стороны, очень важно признаться, особенно перед молодежью: мы, и в особенности пасторы, такие же грешники, как они, особенно в том, что касается искушения веры. Другое дело – со взрослыми, которые уже сами говорят о том, что пастор, мол, грешник. «Понимание» нужд другого возможно и необходимо и в том случае, если я сам не вяз в той же трясине, но все же не презираю другого. Ведь в акте исповеди каждый одинок без помощи другого.

В-четвертых: душепопечение никогда не есть что-то разовое, это долгий совместный путь. Может быть, продолжительное время пастор и член общины идут рядом молча, но необходимо, чтобы они были рядом и знали об этом. Не столь важно, кто, в конце концов, нарушает молчание – пастор или опекаемый. Чаще всего в наших обстоятельствах это приходится делать пастору. Обычно душепопечитель остается одним и тем же – его не меняют. В противном случае существует опасность, что человек уклонится от душепопечения, начнет искать другого душепопечителя, и именно в те моменты, когда душепопе-

читель становится «трудным» для него, когда его слово становится слишком «обременительным». Это бегание по душепопечителям напоминает поведение пациентов, пробующих одного врача за другим. Однако есть только *один* Врач, Который помогает через любого верного брата во Христе. *Вопрос о доверии* в душепопечении, который часто считается решающим, по сути дела состоит исключительно в *вопросе тайны исповеди*. Непонимание со стороны пастора? Есть оправданные случаи; т.е. если он не истинный христианский пастор, а еретик. Но пастор с верным учением (ортодокс), основывающийся на Христе, понимает всё, хотя и может быть простодушным, как Алеша (в «Братьях Карамазовых») или князь Мышкин (в «Идиоте» Достоевского); он будет больше любить великого грешника и указывать ему путь. Его знание о мире придет не через человеческий опыт (Августин не был научен своей жизнью), а через Христа и любовь к Нему. Абсолютно наивный человек может выносить лукавого намного лучше. Любовь к Христу делает меня умным. «Я сведущ более старцев, ибо повеления Твои храню»[15] – это слова молодого человека! Любовь к Слову, Закону, Заповеди, Свидетельству. От этого зависит всё!!!

В-пятых: душепопечение всегда происходит между двумя людьми, за исключением встреч

с супружескими парами. При зрителях душепопечение невозможно. Предмет душепопечительской беседы остается между ее участниками. Если нарушится молчание со стороны одного из них, возникает опасность, что на смену молчанию придет нецеломудренная болтливость. Таким образом, из ситуации нужды или греха делается показательное действо, что необходимо осуждать при любых обстоятельствах, всеми средствами! Пастор должен быть внимательным, чтобы сама душепопечительская беседа не будила такие инстинкты; надо следить за полной сокровенностью действия. Именно ради полной открытости душепопечение должно быть сокровенным.

Молчание пастора. Он должен молчать обо всем, что знает даже помимо исповеди. Он ведет это служение, только он один. Большая жертва со стороны жены пастора. Пастор должен восполнить жене все это другими путями![16] По мере развития других служений, он, в зависимости от ситуации, будет вовлекать носителей этих служений в свое молчание, но при условии, что и они будут молчать. Служение церкви – безгласно само по себе. Ибо оно доверено должности, а не личности. Пастор должен взвешивать всякое слово, которое он говорит о своей общине или о члене общины. Община не может

быть темой для разговора, она – доверенное ему стадо Христово. Если пастор не делает общину темой разговора, то он, скорее всего, и сам не сделается темой разговора в общине. Общинные сплетни – главное препятствие для роста общины. При этом очень многое зависит от *начала* – тот, кто не может молчать о мелочах (о невоспитанных детях, плохом супруге), не сможет создавать предпосылки для того, чтобы его считали способным хранить *тайну исповеди*. Ради великого – молчаливость и в малом!! Задача пастора – однозначно дать понять это жене и друзьям! Акт самоотверженной любви жены – уважать это.

Тайна исповеди как безусловное молчание – это Божья заповедь, и ее нарушение должно повлечь за собой отстранение от служения: ведь речь идет о спасении души, исповедующийся отдает себя в руки человека, как в руки Бога. Поэтому никакая власть в мире не может раскрыть тайну исповеди. Мы должны быть такими же молчаливыми, как Бог. Даже суды признают тайну исповеди. Возможное исключение – знание о предстоящих преступлениях; однако «чистые» лютеране[17] не признают и этого: и здесь они считают необходимым безусловное молчание. Слово пастора, как и слово исповедавшегося, должны стать явными только в Судный

День. Трудность в том, что люди приходят к пастору именно с тяжкими преступлениями не ради отпущения, а только для того, чтобы иметь посвященного – в том, что, таким образом, может быть, они даже не хотят дойти и не дойдут до отпущения; это ли тогда тайна исповеди? Да, в отпущении можно отказать, несмотря на свершившуюся исповедь, если исповедавшийся оправдывает свой грех и собирается делать его дальше. Древняя Церковь, правда, знала исповедь перед общиной, потому что вся община хотела знать, с кем имеет дело; то же практиковал всего несколько лет назад один вестфальский пастор. Значит: тайна исповеди для пастора намного строже, он не может «запретить» исповедовавшемуся говорить об этом и с другими, он только укажет ему на опасность. Лютер сказал, что исповедь может означать только «я знаю, что нарушил все десять заповедей». Ради тщательности исповеди следует напоминать десять заповедей и увещевать человека испытать себя, еще в беседе до исповеди[18]. Исключением может быть только еретическое учение со стороны пастора и отстранение от служения.

В-шестых: только на основе всех вышеназванных предпосылок пастор может начать душепопечительскую беседу, то есть попытаться пройти путь от слушания к Слову Божьему.

5-3641

Настоящее освобождающее действие происходит в проповеди и в молитве; решающим должно быть это, по сути дела, единственно эффективное действие.

Необходимо найти точку ожесточения, то, что человек все время обходит в разговоре, идет вокруг да около, но не называет. Множество слов произносится только для того, чтобы скрыть слово, несущее в себе суть дела. Примером могут служить нарушенные отношения между отцом и сыном, матерью и дочерью. В таком случае человек не слышит непосредственного ответа, провозглашения четвертой заповеди[19]. Посредством конкретных вопросов, касающихся ведения десяти заповедей, пастору будет легче приблизиться к моменту истины. Однако есть опасность, что человек снова и снова будет говорить то об одном, то о другом, но только для того, чтобы уклоняться от истинной проблемы. Именно тут пастор может легко ошибиться! Возможно, человек уже настолько привык обманывать себя, что уже и не в состоянии назвать по имени свой грех. Тут становится ясно, насколько трудно бывает раскрыть грех. А человек был оставлен наедине со своей совестью так долго, что дошел до такого состояния! Лживость требует большой осторожности и мудрости пастора.

Четвертую заповедь человек не воспринимает, она только загоняет его еще глубже в ненависть. Закон, ставший слишком жестким, заставляет его сопротивляться. Здесь приходит время совету: начиная с определенного момента, человек должен восстанавливать нарушенные отношения. Началом может стать какая-либо услуга отцу или матери, которую он, возможно, совершит лишь с отвращением, превозмогая себя. Однако это усилие над собой очень важно. «Я не могу» – «Можешь, сделай это»[20]. Это акт упражнения и дисциплины, знак того, что человек хочет восстановить нарушенные отношения; но в этом еще нет ничего особенно христианского. Смысл этого действия, этого упражнения в следующем: после того, как человек убедил себя, что сможет сделать такой шаг, и психологически превозмог ощущение невозможности, он станет свободным, чтобы слышать и заповедь Божью. Пока я полностью был под властью слабости, я просто не в состоянии был слышать заповедь. Все это – чисто психологическое, нерелигиозное событие; заповедь: «Ты не можешь»[21] – наговорил ему дьявол!

Шестая заповедь может служить другим примером[22]. Область, где человек в рабстве, в плену своего: «я уже не могу иначе». «Это даже не греховно, это ведь естественно!» От этого

происходит ожесточение, человек уже не слышит заповедь. Здесь тоже психологическая установка «я не могу иначе» является причиной ожесточения, и ее надо сломать. Прорыв, однако, не может быть достигнут простым произнесением заповеди, ибо «этого я не могу» будет ответом. Нужно помогать, возвращая в сознание мысль «ты можешь» – через осознание, не внушение! Итак, для начала нужно без помощи Слова, просто по-человечески сказать – «ты можешь». Затем требуется упражнение, дисциплина, чтобы превозмочь это опасное «я не могу». Это упражнение еще не исходит от Христа. Если оно было успешным, то освобождается путь к слушанию заповеди. Все это остается по эту сторону проповеди!*

Рассмотрим еще один пример на основе второй заповеди. Человек может говорить, что больше не может молиться, или же что его не учили, что окружение препятствует, что молитва уже ничего не говорит, что она оставляет равнодушным. И тут сначала нужен только братский, человеческий совет: «Держись молитвы. Установи точные временные рамки. Каждое утро необходимы полчаса стараний, тишина,

---

* Ср. притчу о сеятеле; Слово, только что возросшее, может быть «заглушено» терниeм, особенно атмосферой «я не могу иначе» (Лк 8:7 – 14).

сборник гимнов, Библия». Этот душепопечительский совет* приведет человека к молитве[23].

В-седьмых: так мы хотим дойти до провозглашения заповеди, т.е. проповеди**. Но в душепопечительском разговоре ее нужно произносить *не раньше, чем «созданы условия» с человеческой точки зрения*. Не нужно бросать жемчуга перед свиньями[24]. Не кидать Слово вслед миру, не приставать с ним. Мир устает от такого слова и бросает его обратно тем, кто таким образом делает его камнем преткновения.

Проблема душепопечительской проповеди – проблема конкретной заповеди. Какою властью и в каких пределах можно произносить конкретную заповедь? Проповедь основывается на авторитете Слова Божьего, но в то же время конкретное веление однозначно зависит от личного решения слушающего. Нужно привязать каждую заповедь к первой! Речь не о том или ином

---

* С точки зрения члена общины, но не проповедующего. Тут опасность этого пути, но он, наверное, необходим. Путь «диаконии» – это не произношение заповеди, но он к ней ведет и должен к ней вести. Это «создание предпосылок» не следует сравнивать с тем, что Асмуссен называет «душеводительством». Душепопечение и душеводительство нельзя разделить так, как он разделяет Закон и Евангелие.

** У Бога нет других слов, кроме наших слов, нет других рук, кроме наших рук; Он хочет дать нам помогать Ему, а не говорить из грозы и молнии.

действии, а о самом человеке, о человеке в целом; речь не о той или иной фразе, сказанной Богом, а о Самом Боге, о Боге в целом. Следовательно, в проповеди следует провозглашать милостивого Бога. Как найти нужную заповедь? Не ждите особенных озарений, особенного вдохновения, а в молитве обращайтесь к Писанию и с братской любовью смело принимайте решение. Произношение конкретной заповеди – это риск, так же как и – мы это знаем – употребление власти ключей.

Плохо, если не получилось помочь ясным словом. Гарантии безошибочности также нет. Но даже этот риск пастор должен взять на себя. Душепопечитель снимает с другого человека ответственность за правильность действия, и тому остается только послушание. Пастор, в силу своего служения, стоит перед Богом вместо другого человека. Другой свободен, пастор отвечает за него!

Существуют две ситуации, требующие вмешательства в чужую жизнь:

1. Полное ожесточение. Это крайний случай, когда конкретную заповедь можно произносить с угрозой Божьего гнева.
2. Полная растерянность, неуверенность в Слове, что отчасти само является непослушанием. Принципиальное «мы не зна-

ем, что делать» есть принципиальное непослушание. Либертинское безразличие[25], так же как и моралистическое самоистязание, порождаются греховным отношением к Богу[26]. Так, человек уже не может услышать ни одного слова, не начиная о нем размышлять. Тут Божья заповедь – помощь для растерянного человека. Конкретную заповедь нужно проповедовать как *милость* Божью. Дело не в решении той или иной проблемы человека, дело всегда во всем человеке. Цена вопроса – вечное спасение другого! Поэтому необходимо с дерзновением произносить заповедь во имя Господа. Конкретная заповедь должна спасти душу.

Есть в душепопечении ситуации, в которых душепопечитель не сразу говорит о Боге, провозглашая Слово Божье, а сначала обращается к человеческой силе. Так, например, дела justitia civilis (гражданской или мирской праведности)[27] человек может делать своей силой: не прелюбодействовать и тому подобное.

III

Посещение на дому

В данном служении пастор выходит из укрытия алтаря и кафедры. Ни в какой другой работе не играет столь важной роли вопрос, твердо ли стоит он сам в вере, так как укрыться за чем-либо не представляется возможным. Душепопечительская беседа может состояться только там, где для пастора самая важная тема – распространение Евангелия. Если у него другие интересы, если в его общине другие вопросы играют более важную роль, тогда душепопечительских бесед не будет вообще или они будут искусственными. Член общины должен чувствовать и верить, что пастор живет этой реальностью, и уста пастора должны говорить от избытка его сердца. Он не может не говорить о том, что сам испытал в жизни. Важно, чтобы община непосредственно ощущала это. Все зависит от того, является ли содержание Библии реальностью для пастора, сколько он знает об этом, насколько оно покорило его сердце. Есть пасторы, которые не могут вести свободного разговора, душепопе-

чительская беседа внушает им страх. Им неловко в домах набожных людей, они говорят, что они «не пиетисты», свидетельствуя таким образом, что они не христиане! Многочисленные неудачные душепопечительские посещения снова и снова обнаруживают ужасающий недостаток их духовного опыта и духовной власти! Всякое душепопечительское посещение члена общины нуждается в интенсивной духовной подготовке пастора. Он должен идти на беседу от чтения Библии, от только что услышанного библейского слова, которым сердце еще наполнено. Хорошо взять на вооружение определенный стих. Церковь должна принимать и отпускать пастора как вестника божественной полноты. Посещение, не подготовленное молитвой и чтением Писания, обязательно останется бесплодным! Некоторые пасторы сами становились настоящими христианами через занятие душепопечением. Община должна знать, что, говоря не о Библии, она говорит о чем-то совершенно неинтересном для пастора. Проблема же возникает тогда, когда община замечает, что Писание интересует пастора только по долгу службы.

Место католического душепопечения – исповедальня в церкви. Посещение на дому для католического священника лишь подготовительный этап. Для протестантского же пастора оно – сви-

детельство о том, что Христос хочет прийти к людям в их дома, хочет, чтобы Его чтили в семьях, хочет послушания там. Человек в своей повседневной жизни должен стоять перед дилеммой «за» или «против» Христа. *Дом – это место христианской жизни*. Особенное духовное значение этому придается уже в Новом Завете, где Иисус «входил в дома» (см. Лк 19:5, Мк 1:29, Лк 7:36, Мк 6:10, Деян 11:14, 16:31, 1Тит 3:4). В доме пастор встречается с человеком, который полностью «у себя» – вокруг него порядок или беспорядок, его жена, бабушка и дедушка, его дети, друзья, работа, обстановка. Здесь он хозяин, здесь он может полностью быть сам собой. Входя в дом, пастору нужно ясно понимать: не он хозяин дома, а человек, которому он должен помочь. Не всякому дают право входить в дом! Пастор получает это право. Это дар. Поэтому почтение и смирение необыкновенно важно. Пастор приходит не как самоуверенный наблюдатель или инспектор, получивший возможность покопаться в тайнах другого человека, пастор – тот, кому доверяют и верят, что он не злоупотребит правом гостя. Взгляд внутрь дома открывает незащищенные места. Поэтому необходима величайшая сдержанность! Дом брата – граница моих прав, даже если я пастор! У каждого дома свое лицо и свой устав. (Отсюда

особая значимость новозаветного увещания о праве гостя, то есть о принятии другого с доверием). Гостеприимство в Новом Завете – особая добродетель: «Некоторые оказали гостеприимство Ангелам» (Евр 13:2). *Любой* дом!*

Все, что душепопечитель видит в доме, должно помочь ему использовать право гостя для еще лучшего служения. Однако это трудное положение для душепопечителя. Он должен вести беседу, он имеет власть над другим человеком, но не имеет права пользоваться этой властью. Знание дома – это часть знания о другом человеке, оно может быть предметом разговора, но не ради любопытства, а только для получения самой необходимой информации. Нельзя принимать участие в домашних сплетнях! Необходимо решительно отказываться. Душепопечитель не друг дома, а пастор. Его цель – сделать в этом доме обитель, как Христос. Разговор может быть о детях, о домашней молитве, о посещении церкви. Краткость посещения должна подчеркивать его деловой характер. У пастора нет времени для болтовни, но всегда и сколь-

* Каждый человек имеет право на такое царство, каждому оно дано. Но конечно, когда мы входим в этот дом, с нами приходит в гости Христос. Иисус упрекает хозяина в недружелюбии только тогда, когда тот укоряет грешницу (Лк 7:36 – 50); Иисус, видимо, входит не с громкими требованиями.

ко угодно – для настоящего служения. Пастор, о котором говорят, что «у него нет времени», портит отношение к себе.

Уже в свое первое посещение пастор должен ясно видеть перед собой цель и перейти к делу. Не следует заниматься долгим поиском подходящих зацепок. Это недостойно, и член общины также чувствует в этом недостаток внутренней власти пастора. Поговорив о домашних делах, пастор спокойно и уверенно прерывает разговор и предлагает прочитать текст из Библии и помолиться. Это само собой разумеющаяся часть посещения на дому! Член общины должен твердо это понимать. *Посещение без Библии невозможно*![*] Церковь должна усвоить это, в том числе именно через проповеди; одна из первых проповедей должна описать членам общины душепопечительскую работу. Если это предложение оказывается неуместным, пастор может сказать, что он вернется, в качестве пастора, с Библией в следующий раз, желают ли этого? Ответы бывают разные. То, что церковь отвыкла от таких вопросов и они вызывают недоумение, не должно удержать душепопечителя – это не проявление такта, а трусость! Пастор несет Весть, а там, где это не ясно с первого же посе-

[*] Во Франции, например, священник всегда открыто носит с собой Библию.

щения, там посещение было напрасно, более того, оно было почти отречением! Чем естественнее и непринужденнее поведение пастора*, тем непринужденнее и спокойнее будут и другие. Чтобы добиться этого спокойствия, пастору необходимо готовить почву перед собственно душепопечительским посещением.

Последовательность посещений в деревне: сначала пастор навещает старейшин общины и одновременно – больных, о которых следует объявлять во время богослужения, затем пожилых и бедных. Для посещения всех членов общины по районам пастор может воспользоваться поддержкой со стороны круга помощников, которым посещение членов общины вменено в служение. Для этого пастор должен объяснить церкви, что посещение мирянином также следует воспринимать всерьез. Однако передача душепопечительской работы кругу помощников, не выбранных церковью, может вызвать трудности. Поэтому об этом следует говорить во время проповеди. В реформатских общинах пастор приходит в дом только по особому приглашению, после подготовительной работы старейшин. Больных и пожилых нужно навещать ре-

* Но ему нельзя жонглировать Библией и молитвой. Нельзя пользоваться ими и как медицинскими инструментами.

гулярно, как и тех, кто находится в особом искушении. Часто пастор сталкивается с трудностями. Так, некоторых людей, которые могли бы слушать, но которых нельзя застать дома, можно приглашать к себе домой.

Право пастора на дружеские связи внутри общины и опасность, связанная с этим. Конечно, у пастора есть право иметь друзей (так же как и семью). Но с ответственностью: как воспользоваться этим правом – в его ли ситуации и в этой ли общине? Необходимо быть очень осторожным с теми домами, куда пастора приглашают особенно часто, которые постоянно хотят видеть его «у себя». Следует помнить о преемнике, которого впоследствии могут осудить, если он не продолжит столь же тесного общения.

IV

Беседа с равнодушными

Равнодушные люди бывают трех типов:

1. Жизнь наполнена работой и семьей, и кроме этого ничего не нужно – ни Церковь, ни Библия. Человек живет в мире, «параллельном» Церкви, и чаще всего опирается на некоторые политические воззрения.

2. Надменный – образованный человек, который имеет религиозный опыт и перерос эту стадию. Как перерос своих учителей и пасторов. Это проблема мещанства в Церкви и полуобразования ее пасторов. Собственные религиозные мысли человека становятся более ценными в его глазах[28]. Он «*выше*» Церкви. Образованные – не банально просвещенные и не снобы – с одной стороны, живут «параллельно» Церкви, но, с другой стороны, может быть, ощущают, что они еще даже не дошли до Церкви.

3. Ожесточенный – это подвид равнодушного человека, который прошел через разочарование в Церкви, пасторе, христианстве, и теперь он *против* Церкви.

Живущие вне Церкви

– Почему вы не в Церкви?

– Она мне не нужна: да, я религиозен, я христианин, но утоляю свои потребности вне Церкви. Ведь можно жить и без нее.

– Но нельзя же без Христа.

– Да, против Него я, конечно, не возражаю.

– А вы знаете, чего требует Христос? Не половинчатого участия, а или все или ничего!

Тогда собеседник, в конце концов, скажет:

– Ладно, пусть я не христианин.

– Да, вы не христианин, вы против Христа.

«Кто не со Мной, тот против Меня»[29]. С такой прямотой следует обращаться к людям этого типа.

– Значит, не христианин?

– Да, вам нужно начать заново, с Христом, с самого начала. Тогда вы сами собой будете держаться тех, кто принимает Христа всерьез: Он хочет быть среди Своих, в Своей общине. Если Вы за Христа, то Вы будете и за Его Церковь.

Также можно исходить из того, что человек живет насыщенной жизнью:

– У вас семья, работа, друзья, хорошие дети, вы довольны, у вас есть все необходимое*.

* Ср. с притчей о безумии богатого (Лк 12:16 – 21). С такими людьми сегодня нужно говорить ясно и агрессивно. Вспуг-

Я радуюсь этому вместе с вами! Но подумайте о том, что будет, если вы заболеете или состаритесь? Как вы справитесь с грехом, со страданием? Вы боитесь умереть? Не будете ли вы тогда совершенно один? Нет ли у вас той же самой обремененности, что у других, не для вас ли звучит слово: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные»[30]?

Образованные

Данная ситуация может быть особенно трудной. Необходимо различать образованного и просвещенного человека. (Речь идет не просто о рационалистически просвещенном человеке, а об образованном, целенаправленно изучавшем религиозную проблематику. Он выказывает сдержанность, держит дистанцию, возможно, даже уважает точку зрения пастора, но сам чувствует себя выше). Его отличают индивидуализация и интеллектуализация религии, и эти две вещи взаимосвязаны. *Особая потребность* такого человека порождена одиночеством и размышлением. Есть две возможности вести с ним беседу. Первая осуществляется «Оксфордской группой»[31], которая удачно работает особенно с

нуть их из их чувства сытости. Именно они, чаще всего, беспрекословно терпят политический религиозный курс.

образованными людьми*. К образованному человеку подходят за пределами сферы его размышлений – просто и прямо свидетельствуют о христианском общении и о детской вере. Непосредственность речи, исходящая из живой духовности, особенно достоверна. На это возможен усталый ответ: «Если бы я мог еще так верить!» (так говорит не «просвещенный», – тот приходит в ярость, – а *образованный*). Образованного отличает и то, что он оставляет каждую вещь на своем месте, создавая категории. Он смотрит с расстояния, с мудростью. Так он оставляет на месте и слово пастора, и самого пастора. Пасторам, которые не могут свидетельствовать так непосредственно, почти по-детски, рекомендуется сначала просто показать образованному, что того понимают, дать ему говорить, а самому слушать, не обсуждая и не переубеждая. Не навязываться со своими аргументами, а наоборот, показать сдержанность, внимание и постараться понять ситуацию. Это заставит образованного человека задаться вопросом, в чем причина такого понимания, что за ним скрывается;

* Образованный немец, наверняка, отличается от образованного англичанина, поэтому быстрые успехи «Оксфордской группы» там нельзя просто повторить здесь; кроме того, немецкий образованный человек гораздо честнее с собой и воспитан к более сильному мышлению.

это вызывает любопытство, и он начинает спрашивать. Он будет удивлен, услышав, что перед ним – богослов и тем не менее человек в общем ведущий себя прилично. Самым большим комплиментом будут слова: «Я бы никогда не догадался, что вы богослов!» Люди, занимающиеся естественными науками, вдруг становятся бодрыми и любопытными, оказываясь перед богословом. Тогда нельзя преждевременно выдавать все разгадки. Иначе ситуация потеряет интригу, станет скучной, если все сразу станет на свои места. Поэтому важно дать возможность человеку задавать вопросы, остаться заинтересованным.

Нежелателен окольный путь через философский или полурелигиозный разговор[*,32]. Для образованного человека переход к проповеди открывается через индивидуальность, через личность пастора, и не обязательно «образованного» пастора. (Истинно образованный человек «знает, что не знает» – знает пределы своих знаний.) На что образованный человек реагирует болезненно – так это на полуобразованного, болтли-

* О христианстве невозможно говорить в дискуссии и дискурсе, а только в проповеди (Кюннет, поэтому, непригоден). Христос не спорит с Розенбергом. Лютер ясно показывает это: об истине Евангелия спора быть не может. Поэтому такая грубость.

вого пастора! Нет, пастору нужно просто слушать, принимать участие, знать, в чем состоит его работа, а в чем – того, кому он стремится помочь. Он должен оставаться таким же объективным и в проповеди, и всякий раз, когда представляется возможность, должен проповедовать Христа; без размышлений, отбросив все сомнения об уместности подобной проповеди. Он должен говорить о том, что другой может повредить своей душе, о Церкви, о молитве и делать это совершенно спокойно и естественно, так, чтобы ему поверили, что для него это важно. Ни в коем случае нельзя говорить с высокомерием! Образованный человек по отношению к Церкви – жертва «культурного протестантизма»; может быть, он недалек от ситуации мытарей и блудниц в Новом Завете[33]. Нужно относиться к нему крайне бережно и внимательно. Ибо в нем многое разрушено.

Ожесточенные, разочарованные, просвещенные; люди, относящиеся враждебно к Церкви

Причина ожесточения часто кроется в несоответствии между словами и жизнью пастора или церкви. Иногда такой причиной могут быть тяжелые жизненные переживания (например, война), о чем свидетельствуют опросы П. Пиховского и Г. Дена[34], – или стихийное бедствие, по-

добное землетрясению в Лиссабоне[35]. Такие люди в абсолютном большинстве случаев нападают на Церковь с несправедливыми, субъективно окрашенными, резкими и беспощадными словами. Первое, что требуется в подобной ситуации – это молчаливое служение делом. Подобное служение заключается в первую очередь в дружественном отношении к человеку, что не часто встречается в пролетарских общинах[36]. Надо помнить о его дне рождения, присутствовать на нем, быть ему настоящим другом – без всяких задних мыслей. Тогда человек открывается для разговора. Чтобы вести разговор с просвещенным, нужно быть сильным оппонентом, нужно уметь разбивать его аргументы. Необходимо, чтобы он почувствовал, что совсем не понимает некоторых важных вещей. В подобном споре нужно показать свою силу̀, а от этого естественным образом прийти к непринужденной проповеди. Раненый должен увидеть своего противника.

В данном случае душепопечение происходит через человеческие отношения. Участие, помощь – этот язык понимает каждый. Существует опасность, что тогда скажут: «Вот нашелся хороший пастор, но Церковь плохая». Этим нужно пользоваться, чтобы поднять вопрос о положении дел в Церкви. Не надо отпираться

от изъянов, но: «... имея по милости Божьей такое служение, мы не унываем» 2 Кор 4:1 – это наше основание, которое ранее по-настоящему работало у Бодельшвинга[37].

Человек всегда должен чувствовать, что лично к нему пастор относится серьезно, но иногда ему надо также дать понять, что не все его аргументы заслуживают такого же отношения.

Разделение политики и Церкви? Исповедание ценностей нашей веры и политическая реакция. Сегодня разделение уже невозможно, поскольку уже не существует ни одной области, в которую не проникла бы политика. Если оппонент использует политические аргументы, то нужно назвать зло злом; но ни в коем случае нельзя поливать грязью или преумножать политические сплетни.

Возможно, душепопечителя сочтут реакционером, но его это не должно интересовать или пугать.

V

Душепопечение о больных и умирающих

Посещать больного нужно регулярно, в первую очередь, ради больного, чтобы тот мог подготовиться к визиту. Посещение, о котором известно заранее, лучше, чем неожиданное! Напрасное ожидание – всегда сильное разочарование для больного! Регулярность посещения обязывает больного готовиться.

Регулярное посещение больного нужно также и пастору. Пусть он проводит больше времени с больными, чтобы помнить о том, что состояние болезни в этом мире не является чем-нибудь ненормальным. Болезнь и боль – это один из законов падшего, грешного мира. Человек, мучимый болями или отвратительной болезнью, по-особенному переживает этот мир и страдает от него; он похож на образ Того, Кто понес все наши болезни и был таким презренным, что от Него отвращали лицо. Посмотрите Мф 8:17, Ис 53:3 – 4. Именно при исцелении больных цитируют эти отрывки. Среди больных верующие находятся ближе к крестному страданию Иису-

са, чем среди здоровых; среди них люди лучше познают мир. Общество больных – подходящее общество для пастора. Он познает вину мира, которая есть и его вина, и наказание, которое несет другой, часто без особой вины. «Ни он, ни родители его» (Ин 9:3).

Видя больных людей, здоровые могут понять опасность, которой они подвержены, силу боли и то, что, несмотря на кажущееся здоровье, все серьезно больны, и что страдает все творение (см. Рим 8:19-22).

Лютер сказал: «Так я вижу дорогой, святой крест во всех тварях»[38]. *В Вефиле здоровые и больные естественно живут вместе, в общении*[39]!

Больной ищет только одного: исцеления. Всем своим существом он вопиет об избавлении от «сего тела смерти», о спасении во Христе, о том мире, где Бог отрет всякую слезу. Больной всегда ищет исцеления Христова, знает он это или нет. У одра болезни – место Слову Божьему и молитве. Но нужно, чтобы стало ясно и другое: что никогда не может быть душепопечения без исповеди и отпущения греха, и что провозглашение прощения адресовано больным так же, как и здоровым. Именно на одре болезни вспомнятся конкретные грехи из прошлого; и само состояние болезни приводит в

особое искушение: ворчливость, сварливость, эгоцентризм, претензии на внимание. Больной, с одной стороны, оказался особо близко к Иисусу своим несением бремени, но одновременно, возможно, он в крайнем противопоставлении с Ним. Если несколько больных живут вместе, легко возможны болтовня, сплетни, ссоры и т.д. Поэтому не надо быть жалостливым с больным, нужно поставить его лицом к лицу с полной истиной. Верному члену общины пастор по воскресеньям приносит проповедь к одру болезни, он идет к больному, так как тот не может идти в церковь. Отдаленному от веры человеку это будет свидетельством о том, что Церковь идет к больным; знак того, что Бог во Христе предлагает ему Свою помощь сейчас – не пастор хочет чего-либо от больного, а Бог хочет ему помочь.

Нельзя потакать слабостям больного! Эгоистичным людям Бог показывает в болезни тщетность всех их претензий, их полную зависимость от Бога и людей. Благо болезни в том, что претендовать не на что. Вступая в конфликт, напоминать о том, как близок больной к престолу Божьему. Очень важно поручать больному, именно эгоистичному больному, молиться за пастора и церковь, тем самым включать его в общину. Больной не должен бездельничать.

Можно использовать хорошие трактаты и журналы*, это всегда хорошее начало для следующей беседы, особенно для тех, кто не так близок к вере!

У одра болезни – место истине перед лицом вечности. Не ложному утешению. Но и не «теперь тебе придет конец». Пастор не знает ни того, ни другого, а лишь: «ты всецело в руках Божьих, Он тебя держит в этом мире и в том». Как в песне: «найди покой, тебе довольно...» Пастору нужно знать наизусть стихи из Библии и строфы из песен, иметь наготове для посещений, выучить слова о смысле и благе болезни; слова о суде**.

У смертного одра

– Нет ни одной причины, по которой пастор мог бы не пойти к умирающему. Ведь речь идет о человеке, находящемся на последнем рубеже жизни, в самый важный момент его жизни. Это последняя возможность обратиться к Богу и получить прощение грехов. Нельзя не идти!

---

* «Krankentrost» («Утешение больным») – журнал издавался с 1898 г. в Лейпциге; «Durch Kreuz zur Krone» («Через крест к венцу») – издавался с 1919 г. в Берлине.

** Гимны Пауля Герхарда (Paul Gerhardt) «Gib dich zufrieden und sei stille» и «Befiehl du deine Wege» и Мартина Лютера «Mit Fried und Freud fahr ich dahin».

– Здесь достигнута граница, до которой еще существует проповедь и исповедь. Здесь цена вопроса – спасение. Короткая молитва, вопрос, хочет ли умирающий еще что-нибудь сказать, утешился ли он своим спасением во Христе, провозглашение свободной благодати Божьей, отпущения грехов, надежды вечной жизни – все должно иметь место. Необходимо быть наедине с умирающим! Это бывает нелегко, но нужно об этом сказать. Не надо вступать в долгие предварительные разговоры – нужно сразу перейти к делу.

– Если умирающий не знает о своей близкой кончине, все же следует задать ему этот вопрос. Ведь речь уже не идет о каких-либо вежливых уступках, а о спасении или неспасении*.

– Ужасы смерти, которые пастор видит, посещая умирающих, снимаются чудесными событиями на смертном одре. Действительно, задаешься вопросом, не есть ли миг смерти момент ощущения крайнего счастья! Как в рассказе о смерти дочери Лютера[40].

* Для католика самое главное – Причастие и последнее Помазание; они, согласно относительно новому учению о душе, возможны даже еще тогда, когда кажется, что человек уже умер, в бессознательном состоянии. В какой степени нам надлежит настаивать на том, чтобы умирающий принял Таинства – это под вопросом; по крайней мере, мы будем предлагать возможность, но не принуждать человека, у которого большей частью недостает понимания Таинства.

VI
Искушаемый человек

Ощущаемое и неощущаемое искушение. Искушение всегда нацелено на веру. Иногда оно ясно видимо, иногда – не заметно, похоже на постепенное уставание. В этом случае человек на определенном этапе понимает, что у него больше нет веры, что он равнодушен к Богу.

Ощущаемое искушение позволяет очень реально чувствовать власть дьявола, нападающего неожиданно и с большой яростью. Он с неудержимой силой подстрекает нашу плоть через жажду славы, тщеславие, половое влечение и так далее. Но он знает, что в такой атаке ему нужно отуманить нашу способность к различению. Поэтому он редко делает нас неспособными к ясному осознанию греха и Божьей заповеди. Делает нас беспечными и уверенными в том, что это сейчас и в этих обстоятельствах для нас не грех, что нам здесь то и то позволено. Так он пленяет наше помышление в послушание себе[41]. Итак, эта атака при осознанном искушении всегда направлена на нашу способность к

познанию, а значит, на него мы уже не можем ссылаться, а только на Слово Божье. И это Слово дьявол тоже захочет извратить путем наших познаний: «Подлинно ли сказал Бог...?»[42] Тогда нужно осознать: этим туманом окутывает сам дьявол, отойди от нас, ибо ты лжец! Не случайно дьявол называется именно «лжецом»[43], так как он, хотя и дает нам в руки Слово Божье, но только для того, чтобы через его извращение добиться нашего падения. Вера в Крест, силой которой человек только и мог бы укротить свои страсти, в такие моменты совсем исчезает, телесные муки и терзания Христа забываются. Человек не впадает в неуверенность в спасении, а, скорее, в равнодушие к спасению: спасение продается за кушанье из чечевицы[44], за наслаждение и не ведает, что этим творит. Душа выбрасывается ради мгновения.

Другое ощущаемое искушение – уныние; у католиков оно является смертным грехом, acedia*. То самое уныние, о котором Лютер всегда так настойчиво предупреждал[45]. В нем человек самораспадается: он занят только собой, смот-

---

Acedia (от греч. ακηδία: «беспечность») – духовная ленность или уныние считалось одним из основных грехов со времен Григория Великого. Кроме того, к семи смертным грехам в Католической церкви относятся: гордыня, похоть, гнев, алчность, зависть, чревоугодие.

рит только на себя, унынием вгоняет себя в одиночество. Все бессмысленно, зря; между ним и Богом – кромешная тьма. Он полностью теряет Бога. Приходят не сомнения в спасение, а сомнения в существование Бога вообще; человек в руке дьявола, беззащитный в его власти. Страшное в этом – его цель: полностью изолировать человека от других людей. Искушаемый здесь – игрушка дьявола. Это искушение особенно опасно для христиан! Особенно опасно, потому что не воспринимается как большой грех, а лишь как «что-то довольно серьезное», перепутанное с «печалью ради Бога»[46]. Внушение дьявола, будто это на самом деле набожно: тупость, бессилие, беззащитность. Такая хитрость стремится удержать христианина в отдалении от Бога и может довести до самоубийства.

Другая форма: дьявол атакует веру в спасение, ввергает человека в отчаяние, и тот боится, что у него нет веры, что согрешил против Святого Духа[47], что получил Таинство недостойно, боится, что отвержен Богом – это есть искушение веры в самом чистом виде.

Подвергаясь таким ощутимым искушениям, человек знает, что он в плену у таких сил, с которыми он не справится, и ощущает над собой гневного Бога.

Самое опасное из всех искушений – искушение не ощущаемое. Человек становится все более равнодушным по отношению к Богу и к Его Слову, уже не может *истинно* молиться, Бог отдаляется от его сознания, он уже не ощущает грех как грех, не знает покаяния – прибежища благодати. Да, он отбарабанивает всю терминологию, но уже не верит всем сердцем, он больше не имеет того, во что он верит; несмотря на веру, он страшится, остается в страхе.

Самое плохое в этом состоянии – то, что здесь даже сам гнев Божий еще сокрыт. Сердце человека ожесточается даже против ощущения Его гнева. «Не иметь искушения – самое тяжелое искушение» (Лютер[48]).

В таких случаях в душепопечении речь идет об изгнании дьявола через Христа и Его слово. Христос – единственный, от Кого дьявол бежит. Но как сделать это слово слышным для искушаемого человека?

Искушение плотью и кровью есть superbia* человеческой плоти. Et religio caro est** (Лютер). Нужно, чтобы человек в своей плоти был унижен до смирения, ему необходимо обличающее

* Гордыня, надменность *(лат).*

** «И религия есть плоть» *(лат).*

слово. Поэтому требуются духовные упражнения в смирении *под образом распятого и измученного тела Иисуса Христа*. Грех должен быть назван своим именем. Гордая плоть не слышит милости Божьей, ее слышит лишь плоть, смиренная Словом. Поэтому нужно обличить плоть человека, чтобы он почувствовал свою слабость и греховность, иначе душепопечение будет без обетования.

Искушение духа и веры через уныние, неверие. Какие причины этого искушения? Нельзя схематизировать, создавать правила или определения, так как у дьявола есть множество разных лазеек. Например, неблагодарность Богу или потеря надежды: «поздно, со мной ничего не выйдет, я все равно погибший человек», или же неисповеданный грех, который вырывается к свету, или непослушание.

Это искушение духа будет возвращаться снова и снова двумя путями: через ожесточение против того, что Бог сделал с нами, что собирается сделать, и против того, что Он требует от нас сейчас. А это – неблагодарность, потеря надежды, непослушание.

«Бог помиловал тебя», «Бог по своей милости еще дает тебе будущее», «Божья милость сейчас взывает к тебе всецело». В этих трех выска-

зываниях содержится Слово Божье полностью, это – все Его Евангелие.

Тот, кто потерял веру в спасение, считает, что он именно этим принимает Бога особо серьезно. Но отношение «с таким грешником, как я, Он не может справиться» – не значит принимать Бога всерьез! Принять Его, понять Его, стоящего выше всякого греха и угрызений совести, – *это значит* принять Его всерьез! Почему же обязательно чувствовать гнев Божий таким образом? А вот почему: гнев Божий – это Его близость, Его милость! *Смотри на Христа*! Там Бог проявил Свой гнев как никогда и Свою милость как никогда!

Искушаемые без искушения. Здесь – те же три вопроса: неблагодарен, без надежды, непослушен? Если от них нет результата, тогда *в конце* можно сказать о жале в плоти: «Дело не в ощущениях. Довольно тебе благодати Его»[49]. Никогда нельзя использовать эти слова в качестве дешевого утешения, избавляющего человека от принятия решений, утешения, стремящегося не причинить боли. Это самообман, это путь слишком легкий для пастора[*,50].

* См. труды Пауля Гейзерса (Paul Geysers) о душепопечении; пример искушаемой женщины, которая получила освобождение путем благодарственной молитвы.

VII

Душепопечение о душепопечителях

Церковь Христа – единое Тело. Ее служители неразрывно связаны друг с другом и ответственны друг перед другом. Слуги Тела Христова через это служение связаны с Ним. В другом пасторе пастор должен видеть брата, с которым он связан служением. Братские отношения служителей Слова вытекают из сущности Церкви. Другой пастор – не коллега, а брат.

Долг братской помощи заключается среди прочего и во взаимном душепопечении. Душепопечителю самому требуется душепопечитель. Только тот, у кого есть душепопечитель, может сам быть душепопечителем. Иначе станет властителем над душами и вождем (в католическом монастыре даже аббат обязан исповедоваться брату). Так диктатора сдерживает то, что ему приходится исповедоваться. Не все вещи и не каждая вещь должны входить в душепопечение; оно никогда не должно и не может впитать всю область христианского опыта. Душепопечитель должен быть в одиночестве существенным обра-

зом, иначе он станет несвободным и несамостоятельным, в том числе именно перед Богом. Цель душепопечителя никогда не состоит в том, чтобы привязать другого к себе, а в том, чтобы другой мог один вести ту борьбу, которую сейчас ведет с моей помощью. Хотя Лютер считал, что никакой человек не может достичь того, чтобы жить без душепопечения и исповеди, все же очень сильно подчеркивал, что человек должен прийти к этому «сам»[51].

Чрезмерность в душепопечении опустошает! В молитву пастора должны быть включены, кроме общины, и братья по служению. Но осторожно с предложением молитвы! Особенно если невозможно сдержать обещание. Но еще более помогает молитва, о которой другой ничего не знает. И для нас она тоже самая надежная в своей силе.

Пастору необходимо душепопечение ради ответственности его служения. Тот, кто сознает свою ответственность перед общиной и перед Богом, пугается ее как непосильного бремени. Как он может непритворно нести в сердце все нужды членов его общины, с нужной сосредоточенностью совершать такое множество обрядов, проповедовать каждое воскресенье с одинаковой радостью, усердно молиться? Как он может позволить себе миг покоя и радости? По-

знавший эту нужду в душепопечении знает, что в ее познании может таиться смертельная опасность. Именно ответственный пастор может быть загнан этой тяжестью во внешнее и внутреннее беспокойство, в котором нет места молитве и которое равняется неверию, или же, посчитав, что выхода нет, он может стать беззаботным и попасть под Божий суд. Бремя этого служения, чаще всего, слишком тяжело для одного человека. Ему нужен другой, который помогает ему использовать свою силу правильно... Сверхактивный пастор с одной стороны, а ленивый с другой – это две стороны одного явления. Обоим не хватает тихой и регулярной молитвы, с которой начинается служение. В ней упорядочивается отношение задания и сил. В молитве пастор получает задание и уверенность в том, что Бог поможет ему справиться. Но невозможно узнать это однажды и навсегда – этому требуется постоянное подтверждение в молитве.

Другая нужда серьезного пастора рождается из его богословия. Хороший богослов знает всё, что человек может знать о Боге, человеке, грехе и прощении. Он с испугом ощущает демонизм такого знания, способного лишить его веры. Он знает, что такое истинная вера, и поэтому он ищет ее в себе до тех пор, пока не перестанет жить в вере и начнет жить лишь в раз-

мышлении о вере. Он знает, что никто не может говорить «я верю», не добавив «помоги моему неверию»[52]. У него уже нет опыта общения с Богом, со Христом, опыта борьбы с искушением и его преодолением; его единственный опыт состоит в размышлении об этих вещах. Проблема усугубляется необходимостью проповедовать, и проповедовать часто, необходимостью использовать слова, которым в данный момент не соответствует никакой опыт и не может соответствовать. Это злоупотребление Словом должно беспокоить пастора до самой глубины души. Как богослов, он знает, что его проповедь зиждется не на опыте, а на Писании, и значит, она оправдает себя – и его, как того мученика, того аскета, который служит другим, претерпев лишение собственного опыта. В этом он снова почувствует себя хорошо, успокоит свою совесть, все еще обосновываясь не в вере, а в размышлении. Богословие – та наука, в которой человек учится извинять и оправдывать всё. Хорошего богослова невозможно *подловить* на чем-либо – он справедлив во всем, что говорит. И даже об этом открытии богослов может говорить без покаяния.

Кто однажды пошел на оправдание самого себя с помощью богословия, тот находится в руках дьявола и уже не выйдет из них, пока бу-

дет богословом! Будь хорошим богословом, но держи богословие в трех шагах от себя, иначе оно станет угрозой для твоей жизни. Человеку, попавшему в эту беду, уже нельзя помочь богословскими доводами, ему можно помочь только призывом к молитве, к исповеди, к послушанию, в виде *закона*. Беда богословия *оправдания* в том, что оно хочет освободить верующих от закона. К такому брату по служению надобно обращаться не с богословскими доводами, а с проповедью. Здесь необходимо: повиноваться самому простому в Писании. Например молитва, исповедь, совершенно конкретная молитва, а потом дать Ему вести нас дальше шаг за шагом. Meditatio, oratio, tentatio* ежедневно. – С meditatio о слове из Писания все начинается. Она ведет нас к oratio об общине, о собственной душе и работе. А та провоцирует tentatio. От нее нет другого прибежища, чем meditatio. Так замкнется круг. Испытание веры в реальном мире, в котором дьявол искушает[53].

Служение епископа – «доброе дело»[54], которое христианин должен «желать» именно поэтому; это «желание» – nota** субъективной уверенности, которая нужна для рукоположения на-

---

* «Размышление, молитва, искушение» *(лат)*.

** В данном случае «признак» *(лат)*.

ряду с официальным призванием со стороны Церкви. То, что пасторство – это «дело» в смысле «работа», станет ясно во всяком пасторском доме; «дело» – это обращение с Писанием, молитва, подготовка проповеди, душепопечение, занятия и т.д. Духовные лица в своем служении несут часть того, чем мы «затрудняли» Бога – своими грехами и т.д.

VIII

Исповедь

Исповедь – сердце душепопечения. Увещевание «будь христианином»[55] – это призыв к исповеди[56].

Идя на исповедь, человек идет к Богу. Брат стоит на месте Бога, он хранит тайну, как тайну Бога. Она сказана Богу.

Пастор призван принимать исповедь, но исповедь не привязана к нему как к официальному носителю должности. Она – действие, входящее в священство всех верующих. Всякий брат может принимать исповедь (см. рассказ Августина о язычнике и христианине на корабле)[57].

Не следует бояться непонимания из-за того, что пастор живет иной жизнью. Никто не подвергается таким тяжелым искушениям, как христианин, и в особенности, пастор. Дьявол там, где звучит имя Христа. Грех нужно понимать, исходя не из действия, а из познания кре-

ста Христова и того глубочайшего греха человечества, который там был открыт нашему взору. Именно знание о кресте и об искушении позволяют пастору понимать зло и видеть его в другом человеке. Он может лучше понимать другого человека в этом, чем сын и отец, чем муж и жена понимают друг друга. Это происходит потому, что пастору доверяют и к нему обращаются за помощью. Понимание возникает через обращение одного человека к другому, именно так он может получить помощь от ближнего. Всякий брат *во Христе* поймет другого брата. (Это понимание неразрывно связано с Крестом, оно не исходит из психологического знания о зле; человек согрешает против Христа на Кресте.)

В исповеди все зависит от личного отпущения грехов, и для того чтобы быть уверенным в личном отпущении, человек должен назвать свой грех по имени. Он идет на исповедь, чтобы что-то получить. Получить можно только назвав *свой* грех. Необходимо не признание в нужде, а признание в грехе. В нужде еще можно чувствовать себя хорошо, виня в личном состоянии что-нибудь другое. Грех же прилипает к человеку. Исповедь – это милость для созидания и укрепления веры и общения в вере.

Почему недостаточно исповеди перед Богом? Зачем исповедь перед братом?

– Ради уверенности в том, что Бог – не фантом, что человек не отпускает грехи сам себе; ради объективности и знания, что грех действительно отпущен. Простил ли человек сам себе, или ему простил Бог? Мы склонны много размышлять об этом, что приводит к неуверенности.
– Потому что тайный грех должен выйти наружу. «Всем нам *должно* явиться пред судилище Христово»[58]. Лучше сегодня, чем в Судный день. Грех должен быть раскрыт – пока он скрыт, он въедается глубже и глубже и отравляет все в человеке, вызывая тление в душе. Но как только змея высунет голову из дыры, голову можно отрубить.
– Корень всякого греха – гордыня и superbia[59]; я хочу быть сам для себя, у меня право на себя, мне можно глазеть, вожделеть. Исповедь есть глубочайшее смирение перед братом, она причиняет боль и унижает. «Смиряя меня, Ты возвеличиваешь меня»[60] – значит, человек должен стремиться к тому, чтобы быть все меньше и ниже!! Освобождение от superbia плоти и разума достигается этим путем. Каждый нуждается в этом смирении.

В исповеди человек полностью отдается Богу – полагается на Его милость, справедливость и помощь. Он отдает Богу все, ничего не оставляя себе, чтобы Иисус властвовал надо всем в его жизни. Таким образом, человек обретает свободу от себя. То, что отделяло его от послушания и уверенности, все, что человек хотел оставить себе, под своей властью, все это он передает Ему и получает прощение. Свободен! В покаянии грехов Бог принимает человека вновь. Он хочет единолично царствовать в человеческой жизни и освободить его от греха. В исповеди заложено обращение к Богу, укрепление ученика Иисуса в следовании за Ним. Исповедь есть покаяние и обращение к Богу, прочь от собственного «я». Тщеславие и вожделение спадает с человека, и Иисус становится рядом с ним. Следовать Христу – значит оставить всё, что любишь, подобно мытарю Левию[61]. Всё, вся слава, хвала, всё отдается Иисусу.

Только в исповеди проявляется христианское общение. Общение двух людей, начавшееся подобным образом, служит основанием для всей общины. Если человек остается один в своем зле, то он, несмотря на всех своих друзей и знакомых, остается совсем один. Если же он исповедался, то он нигде не бывает один; ему всю-

ду сопутствует тот, перед кем он исповедался. В общине никто не должен оставаться один.

Исповедь – это благодать, не закон. Благодать уверенности, обращения, общения и радости. Печаль ради Бога приносит божественную радость и благодарность[62]. В этом – обновленная любовь ко Христу, обновленное послушание и служение, обновленная радость о Евангелии.

Примечания

Лекции «О душепопечении» Д. Бонхёффера выходят на русском языке впервые. Перевод этой книги выполнен по изданию, опубликованному в 14 томе Собрания сочинений Д. Бонхёффера, подготовленного издательством Gütersloher (Dietrich Bonhoeffer, *Werke*, 17 Bde.). В оригинале за основу текста положена стенографическая запись лекций Бонхёффера, прочитанных в подпольной семинарии в Финкенвальде в течение девяти занятий в 1935/1936 гг. Бонхёффер повторял эти лекции с перестановками и изменениями до учебного 1938/1939 гг.

Дополнения из записей лекций в 1937 – 1938 гг. в оригинальном издании были приведены в примечаниях. В настоящем издании большинство дополнений включено в основной текст. В подстрочных примечаниях оставлены только добавления, помеченные как «вставки на полях». Также в подстрочных примечаниях приведены переводы иноязычных слов и выражений.

[1] См. напр., E. Sulze, Die Evangelische Gemeinde (Э. Зульце, «Евангельская община»), стр. 27: «Душепопечение... в евангелическом смысле слова есть воспитание, формирование христианского характера. Оно возможно только путем неустанного, непрерывного воздействия». Там же, с 4-й страницы, основное изложение евангельского понятия *Церкви*: от Церкви, согласно Зульце, нельзя ожидать ничего другого, кроме воспитания. Подобным образом рассуждает Й. Майер (J. Meyer) в «Очерке» (Grundriss), стр. 128: «Душепопечение есть планомерное воздействие, согласованное с особыми потребностями отдельного человека, направленное на образование христианской личности».

[2] Ср. Мф 6:33.

[3] Бонхёффер на съезде Исповедующей церкви в городе Штеттин-Бредо (10 января 1936 г., за две с половиной недели до этой части лекции) связывал неприятие пасторов Исповедующей церкви с «тайной загадкой ожесточения». На ту же тему Бонхёффер писал в письме к Зуцу от 11 сентября 1934 г. (DBW 13, 205): «Гитлер не должен слышать, он *ожесточен*, и именно такой он должен заставить *нас* слышать... – должны обратиться *мы*, не Гитлер».

[4] Ср. Мф 4:10; Мк 5:9.

[5] Намек на тезис Карла Маркса о том, что «религия есть опиум для народа» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения Т. 1. М., 1955. С. 415), который Бонхёффер использовал уже в проповеди 19 июня 1932 г. (DBW 11, 446).

[6] В реформатской традиции, определяемой в основном Кальвином, существует несколько служений в общине: пастыри (pastores) и учители (doctores),

старейшины (seniores), диаконы (diaconi). В лютеранской Церкви служение диакона было возобновлено только в XIX веке, но больше для диаконических учреждений, чем для местных церквей.

[7] О печали Лютера после смерти его дочери Магдалены см. WA.TR 5 № 5494 – 5502 и J. Köstlin, «Жизнь Лютера», с. 581 – 583.

[8] Об образе (Божьем) ср. Быт 1:27.

[9] Ср. Мф 12:24.

[10] «Выявление» в смысле осознания неосознанного встречается у Пфистера довольно часто («Психоанализ, служащий воспитанию» (Die Psychoanalyse im Dienst der Erziehung), 12; «Аналитическое душепопечение», 22; Art. Psychoanalyse, столбец 1635). То же понятие использует и Ф. Кюнкель («Работа над характером», 99, а также у Й. Нойманна, «Введение», 97 и 99).

[11] Ср. Иак 5:16.

[12] Взаимное признание в грехах у Достоевского встречается, например, в «Братьях Карамазовых» (I, 210; II, 1586 – 1592), полн. собр. соч. – М., 1972. См. о «неофициальной» исповеди перед старцами «Братья Карамазовы», кн. 1, гл. V «Старцы», кн. 3 гл. XI.

[13] 1 Кор 13:7.

[14] О душепопечительской «манипуляции» см. O. Pfister, *Analytische Seelsorge*, 10: «Аналитическим душепопечением» мы назовем ту деятельность, которая стремится преодолеть религиозные и нравственные повреждения путем отыскивания неосознанных мотивов и влияния на них». F. Niebergall, *Praktische Theologie* II, 367: «Это – пути помимо богослужения и занятий, которыми сегодня пытаются получить

влияние – в зависимости от обстоятельств, для Господа Христа и Бога или для себя любимого».

[15] Пс 118:100.

[16] В конце свадебной проповеди, написанной в тюремной камере для Ренаты и Эберхарда Бетге в мае 1943 г., Бонхёффер подробнее изложил то, что имел в виду здесь. «Многое в этом служении муж должен нести один, ибо он ведет служение, а служение требует молчания ради Бога. Тем больше должна быть любовь к жене, тем больше муж должен давать ей участвовать во всем, в чем можно».

[17] Hochlutheraner – лютеране, не состоящие в унии с реформатами.

[18] Подтверждение приведенного мнения Лютера: Краткий катехизис, об исповеди (BSLK, с 517 стр.).

[19] Речь идет о заповеди почитания родителей: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» (Исх 20:12). В некоторых христианских традициях эта заповедь считается пятой.

[20] Это говорится на фоне высказывания «ты можешь, ибо должен» из учения Иммануила Канта о долгах, цитируемого в диссертации Бонхёффера. Ср. И. Кант, «Метафизика нравов. Основы метафизики нравственности», 1797, А3 (человек вопреки «*препятствиям* исполнению долга» должен посредством разума считать себя способным, «что он *может* делать то, о чем закон однозначно велит, что он *должен* это делать»). Этот девиз приводит О. Пфистер в «Аналитическом душепопечении» именно для того, чтобы показать его бессилие; его использование при скрытых невротических, навязчивых состояниях, согласно ему, может только усугубить ситуацию.

Й.Б. Шайрер, согласно христианской адаптации психотерапии, уповает только на «могу, ибо хочу» *после* «выяснения фактора вины» (в книге Й. Нойманна «Введение...», 344).

[21] Здесь – игра слов. В немецком переводе Библии в десяти заповедях повторяется аналогичная формула «du sollst nicht» – «ты не должен...».

[22] Заповедь: «Не прелюбодействуй» (Исх 20:14). В некоторых христианских традициях эта заповедь считается седьмой.

[23] См. Х. Асмуссен, «Душепопечение», в особенности стр. 43 – 44 и 59 – 70.

[24] Мф 7:6.

[25] Движение «духовных либертинов» в XVI веке характеризовалось безразличием к обрядам и релятивистским взглядом на этику. Будучи внекатолической сектой, либертины были готовы соблюдать католические обряды для соглашательства с «папизмом», за что жестко критиковались Кальвином. Добро и зло на взгляд либертинов заложены в природе бытия, поэтому за зло не может быть божественного воздаяния.

[26] См. 2 Тим 3:7.

[27] «Гражданская (мирская) праведность» – термин, введенный Меланхтоном в Апологии Аугсбургского исповедания (ААИ), означает внешнее подчинение Закону. Эту праведность возможно обрести человеку самому, в отличие от духовной праведности, которая дается только от Святого Духа. «Воля человека имеет свободу выбора дел и вещей, которые разум способен постичь сам по себе. Она может до определенной степени формировать «мирскую праведность» или праведность дел. Она может гово-

рить о Боге, совершать определенное служение Богу внешними делами, повиноваться судьям, родителям. В процессе исполнения внешних дел она может воздерживаться от убийства, от прелюбодеяния, от воровства. Поскольку в человеческом естестве сохранилось суждение о явлениях, подвластных чувствам, в нем также сохранилась возможность выбора между этими вещами, свобода и сила формирования «мирской праведности». Ибо Писание называет праведностью плоти то, что плотское естество, то есть разум, производит сам по себе, без Духа Святого» (ААИ, арт. XVIII, 4, цитируется по изданию «Книга согласия», М.: «Лютеранское наследие», 1998). Ср. также ААИ, арт. IV,34; VI,45; XVIII,9.

[28] Во фрагменте романа, написанного в 1943 г., Бонхёффер вкладывает в уста умного мальчика слова: «Знаешь, бабушка, а ведь эту пасторскую мудрость мы вообще-то оставили позади точно так же, как остерманновскую мудрость наших учителей латыни». («Остерманн» – фамилия автора и обиходное название нескольких школьных латинско-немецких словарей.

[29] Мф 12:30.

[30] Мф 11:28.

[31] В девяностых годах XIX века по инициативе лютеранского пастора Франка Бахмана в Англии было организовано «Сообщество ранних христиан», из которого впоследствии отпочковалась «Оксфордская группа» (1921 год). Целью группы было возрождение христианских традиций и заповедей. Группа руководствовалась в своей деятельности четырьмя христианскими абсолютами: 1) абсолютной честностью; 2) абсолютной бескорыстностью; 3) абсолютной чистотой; 4) абсолютной любовью. Груп-

па оказывала влияние на высших лиц государства и вела пропаганду «морального перевооружения». По иронии судьбы, антифашист Бонхёффер приводит здесь в пример людей, впоследствии скомпрометировавших себя нацистскими взглядами.

32 Вальтер Кюннет (Walter Künneth) в 1935 г. опубликовал «Ответ на Миф», полемику с «Мифом XX века» 1930 г., «зарисовкой национал-социалистического учения о мировоззрении» Альфреда Розенберга.

В октябре 1930 г. Альфред Розенберг опубликовал антихристианскую, антилиберальную и антиеврейскую книгу «Миф XX века». В январе 1934 г. Адольф Гитлер назначил Розенберга своим «уполномоченным по идеологической работе в партии». Из работы частного лица «Миф XX века» превратился почти что в официальное выражение нацистской идеологии. И тогда теологи Германской евангелической (лютеранской) церкви почувствовали себя обязанными дать ответ на «Миф» Розенберга. Так появилась книга Вальтера Кюннета «Ответ на Миф: решение в пользу нордического мифа или библейского Христа». В. Кюннет доказывает, что христианин понимает немецкие национальные и расовые ценности глубже, чем Розенберг: лишь христианское Откровение позволяет познать Расу, Народ и Государство как порядки сотворенного бытия, укорененные в охранительной воле Бога. Согласно «Мифу XX века», германская раса извечно противостоит тлетворному влиянию еврейской «противорасы». Оспаривая с христианских позиций расистские суждения Розенберга о Ветхом Завете, В. Кюннет добавляет: тлетворность современного «мирового еврейства» — следствие проклятия, тяготеющего над евреями после того, как они распяли Христа. Розенберг же, от-

вергая христианство, не может постичь этот глубочайший источник описанной им расовой вражды (см. Лезов С. Национальная идея и христианство // «Октябрь» № 10. М., 1990. С. 148 – 160).

[33] Ср. Мф 21:31 – 32.

[34] Гюнтер Ден и Пауль Пиховски первые провели и обработали систематические опросы о религии и вере в пролетарской среде. См. G. Dehn, *Die religiöse Gedankenwelt der Proletarierjugend* (Религиозный мир пролетарской молодежи), P. Piechowski, *Proletarischer Glaube* (Пролетарская вера).

[35] В землетрясении 1 сентября 1755 г., разрушившем две трети города, погибли 30 000 человек.

[36] О собственной работе Бонхёффера среди верующих рабочих районов см. DB 272 – 275.

[37] Текст из 2 Кор 4:1 был лозунгом лютеранского пастора Фридриха фон Бодельшвинга (1831 – 1910), основателя и заведующего больницей для эпилептиков в Вефиле под Билефельдом. Бодельшвинг был известен своей скромностью и жертвенностью.

[38] М. Лютер. Проповедь на Рим 8:18 и сл., 1535 г. (WA 41, 310): «Так возлюбленный [апостол] Павел пронизывает святым Крестом все творение, так что солнце, земля и все, что на ней, страдают с нами и носят возлюбленный крест».

[39] Вефиль – пригород Белифельда, назван по примеру библейского Вефиля, в переводе: «Дом Божий». Пастор Бодельшвинг (см. прим. 37) в 1872 г. основал там больницу для эпилептиков. В дальнейшем, кроме попечения о душевнобольных, там было открыто служение и для всех «уставших от забот и потерявших смысл жизни». В 1905 г. в Вефиле был открыт Евангелический богословский институт для

обучения больных. Строгое и глубокое религиозное чувство Бодельшвинга, в котором были объединены вера и действенная любовь к ближнему, и по сей день определяет общий дух заведений в Вефиле и руководит каритативной и миссионерской работой, проводимой там.

[40] Магдалены в 13 лет. См. WA.TR 5 № 5494 – 5502.

[41] Ср. 2 Кор 10:5.

[42] Быт 3:1.

[43] Ин 8:44.

[44] Быт 25:29 – 34.

[45] См. напр., Большой катехизис ч. 3.10 (WA.TR 1 № 461, 676; 5 № 5380, 5818).

[46] Ср. 2 Кор 7:10.

[47] См. Мк 3:29.

[48] WA 3, 420.

[49] См. 2 Кор 12:7 – 9.

[50] Paul Geysers *Schriften* V, s. 147 – 148.

[51] Лютер подчеркивает то, что всякий христианин зависит от исповеди (напр., в Большом катехизисе ч. 5.61), но при этом резко отвергает принудительную исповедь, лишающую человека ответственности за себя.

[52] Мк 9:24.

[53] Аллюзия на рекомендацию Лютера о богословском существовании: «Oratio, meditatio, tentatio faciunt theologum» («Молитва, размышление, искушение созидают богослова»). Однако у Лютера последовательность иная: oratio – meditatio – tentatio (предисловие к Виттенбергскому изданию немецких трудов Лютера, 1539 WA 50, s. 659 – 660).

[54] Ср. 1 Тим 3:1 – 7.

[55] Формулировка согласно словам М. Лютера в Большом катехизисе: «Когда я побуждаю вас отправиться на исповедь, я лишь призываю вас быть христианами. Если я привел вас к тому, что вы стали христианами, то тем самым я привел вас и к исповеди» (Краткое увещевание к исповеди, 32).

[56] В Реформации исповедь, наряду с крещением и причастием, тоже имела характер таинства. Порядок исповеди: Краткий катехизис (часть V); Бернейхенский порядок.

[57] Рассказ, согласно традиции восходящий к Августину, упоминается в п. 67 «Трактата о власти и первенстве папы», написанного Меланхтоном (1537 г.): «В случае необходимости даже мирянин может отпускать грехи, становясь служителем и пастором для другого. Об этом Августин повествует в истории о двух христианах на корабле, один из которых крестил новообращенного, тот же после принятия Крещения, в свою очередь, отпустил грехи крестившему».

[58] 2 Кор 5:10.

[59] Superbia считалась корнем греха уже в средние века. Обосновывалось это мнение в т.ч. стихом из книги Сираха: «Ибо начало греха – гордость» (Сир 10:15).

[60] 2 Цар 22:36 – по переводу Лютера. В синодальном переводе: «Милость Твоя возвеличивает меня».

[61] Мк 2:13 и далее.

[62] Ср. 2 Кор 7:10.

Религиозное издание

Дитрих Бонхёффер
Псалтирь – библейский молитвенник
О душепопечении

Перевод с нем. А. Лейцина и Р. Штубеницкая
Редакторы Е. Барташевич, Т. Чепрасов
Составитель примечаний и редактор А. Маркевич
Ответственный редактор С. Кокурин
Обложка А. Бизяев
Корректор О. Салнит
Верстка С. Опарина

Некоммерческое просветительское учреждение
Центр «Нарния»
117105, Москва, Варшавское ш., д. 12-а, стр. 1, ком. 309
Телефон/факс: (495) 958-28-47
E-mail: mail@narniacenter.ru
www.narniacenter.ru

Отпечатано при участии ООО «Альварес Паблишинг»
ISBN 5-94439-143-X

Подписано в печать 02.06.06. Формат 70x100/32.
Объем 6 печ. л. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ № 3641.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

В 2006 году христианский мир отметил 100-летие со дня рождения Дитриха Бонхёффера – выдающегося немецкого богослова, пастора, проповедника. В годы войны Бонхёффер мог безбедно жить в США, преподавать в университетах, писать научные труды, но он вернулся на родину и, зная наверняка, что его ждет гибель, присоединился к Сопротивлению. Он был арестован в 1943 г. и через два года, 9 апреля 1945 г. – всего за месяц до победы – казнен в концлагере Флоссенбург.

В книгу вошли произведения, еще не известные российскому читателю. «Псалтирь» Бонхёффера – это пламенный вызов индивидуалистичному сознанию современного человека. Она помогает понять, как во Христе библейские псалмы становятся личными молитвами – плачем и благодарением нашего сердца. Второе произведение – «О душепопечении» – студенческие записи нелегальных лекций Бонхёффера, прочитанных им в 1935–1937 гг. в небольшой семинарии в Финкенвальде (Померания). Суть душепопечения раскрывается в трудных отношениях священника, пастора с равнодушными, больными, умирающими и теми, кто печется о душах.

